

Ася Вересова

Призма Первого щита

Новая помощница чёрного дракона спасает реликвию

Ведьма и Дракон

Ася Вересова

Призма первого щита

«Автор»

2026

Вересова А.

Призма первого щита / А. Вересова — «Автор», 2026 — (Ведьма и Дракон)

Бытовая ведьма в расследовании королевской кражи? Лив Викен тоже удивилась. Вообще-то она только окончила учёбу и поступила на службу к главе Чёрного дома. Собиралась выполнять поручения, чинить магические приборы и привыкать обращаться к начальнику «Ваша Светлость», не запинаясь. Но с королевской выставки исчезла древняя реликвия. Кто-то сумел обойти защиту, и Лив замечает детали, мимо которых трудно пройти. Особенно ведьме, привыкшей разбираться, почему исправная вещь вдруг перестала работать. Теперь рядом строгий дракон, впереди опасное расследование, а дома ждут рассказа о первых трудовых успехах. Некоторые подробности маме, пожалуй, лучше не знать. Магический детектив с юмором, полётами на метле и зарождающейся симпатией между ведьмой и её весьма необычным начальником.

© Вересова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	15
Глава 3.	24
Глава 4.	32
Глава 5.	39
Глава 6.	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Призма первого щита

Глава 1.

Песочные часы на экзаменационном столике отмеряли время с мерным, шуршащим равнодушием. До конца практической аттестации оставалось двадцать минут, а учебный кухонный стенд всё ещё выглядел так, будто в него угодила шальная молния.

Лив Викен сидела на коленях перед раскрытым нижним люком, уперев колени в вытертый каменный пол, и сердито сдувала со лба непокорную русую прядь. В малом классе прикладной магии пахло нагретой медью, пережжённой изоляционной мастикой и кисловатым мыльным раствором, которым студенты смывали следы неудачных опытов.

— Четырнадцать минут, госпожа Викен, — напомнил мастер Торвальд.

Он стоял у высокого конторского стола, заложив руки за спину, и всем своим видом изображал академическую беспристрастность. Получалось не слишком убедительно: Торвальд преподавал сопряжение бытовых контуров тридцать лет, пересмотрел не одну сотню выпускников и сейчас просто хотел успеть к обеду в преподавательской столовой.

— Слышу, господин преподаватель, — не поворачивая головы, отозвалась Лив.

Она прижала ладонь к медной распределительной шине и негромко произнесла заученный словесный якорь:

— Нить и мера.

Короткая, врезанная в память формула отозвалась в ладони привычным лёгким покалыванием. Это не было заклинанием само по себе — его Лив давно собрала в голове, составив из десятков мелких мыслительных звеньев сложную диагностическую сеть. Но чтобы не тратить драгоценные силы и секунды на выстраивание всей конструкции заново, студентов годами приучали связывать готовое плетение с выученным словом-якорем. Память сработала мгновенно: в висках едва заметно заломило, контур развернулся послушно и чисто, а тонкие магические нити потекли вдоль металлических трубок, высвечивая внутренние каналы синеватым контурным огнём.

Проговаривание дальнейших действий было уже не якорем, а давней привычкой из харчевни — когда на плите шипят сразу три сковороды, приходится бормотать себе под нос, что делать дальше, иначе непременно перепутаешь лук с капустой.

— Сначала левый ввод, потом распределительная петля...

Основную поломку она нащупала сразу. Экзаменаторы не стали изобретать редких каверз: в общем контуре, питавшем чугунную двухконфорочную плиту и пару стеклянных светильников над ней, попросту выгорела перемычка. Контакт окислился, оплётка растрескалась, и поток тепла уходил вхолостую, нагревая защитный кожух вместо варочной панели. Зачистить клеммы¹, стянуть разрыв тонкой медной скобой и закрепить стабилизирующим плетением — работы оставалось ровно на пять минут.

Лив потянулась к парусиновому футляру за щупом, уже собираясь замкнуть дугу, но её диагностический контур дрогнул глубже, под вторым настилом стенда.

Она замерла.

— Госпожа Викен? — сухо поинтересовался Торвальд, заметив заминку. — Вы определили неисправность?

— Определила. Перемычка на основном вводе перегорела от перегрузки.

— Тогда приступайте к устранению. По регламенту вам надлежит подать стабильное тепло на обе конфорки и зажечь рабочий свет.

¹ Металлический зажим или контакт для присоединения проводника.

Лив не шевельнулась. Диагностическая нить настойчиво зудела, уходя под кожу термо-регулятора. Там, в узкой щели между накопителем и чугунной рамой, пряталась защитная пластина от аварийного перегрева. Сейчас, пока плита стояла холодной, пластина казалась целой. Но на её нижней грани змеилась тончайшая, почти неразличимая трещина.

Если восстановить основную перемычку и запустить плиту, всё заработает безупречно. Конфорки нагреются, лампы зальют стол ровным светом, Торвальд кивнёт и поставит высший балл. Но через пару часов непрерывной варки трещина расширится от жара, защитный контур разомкнётся рывком, и раскалённый импульс ударит прямиком в распределительный узел. Хорошо, если просто выбьет пробки на этаже, а не выплеснет кипящее масло в лицо какому-нибудь первокурснику.

— Господин преподаватель, пластина теплового сброса повреждена, — сказала Лив, осторожно ковырнув край пластины тонким зондом. — Внутренний скол. Если я замкну основной контур, она протянет часа три, не больше.

Торвальд поморщился, подошёл ближе и заглянул через её плечо.

— Это учебный стенд, Викен. Он собран из списанных деталей три года назад. Ваша экзаменационная задача — восстановить подачу энергии на плиту и освещение. Вторичные дефекты фиксируются в графе примечаний к отчёту. Исправлять их вы не обязаны.

— Но если кто-то включит её на полную мощность...

— В протоколе аттестации написано: восстановление базовой цепи, — с нажимом повторил мастер, постучав сухим ногтем по деревянной планшете. — У вас осталось девять минут. Если вы начнёте снимать терморегулятор, вы не успеете оформить письменную часть и потеряете баллы за регламент. Вносите в примечания и замыкайте перемычку.

Лив посмотрела на часы. Песчинки падали тонкой струйкой, собираясь в аккуратную горку на дне колбы. В примечания. Конечно. Сдать лист, получить отличную оценку, пойти собирать чемодан. А стенд останется здесь. Следующая группа сядет за него завтра утром, на пересдаче третьего курса. Какой-нибудь перепуганный мальчишка выкрутит нагрев на максимум, реле² лопнет, и...

«Если ты видишь трещину и закрываешь её крышкой, ты не мастер, а пустое место», — любил повторять отец, когда Лив ещё девочкой помогала ему перебирать медные краны в подвале харчевни.

— Я успею, — упрямо буркнула Лив.

— Викен! — предостерегающе повысил голос Торвальд.

Она уже не слушала. Тонкие щипцы нырнули в узкий зазор, подцепили фиксирующую пружину. Пальцы двигались быстро, почти машинально: ослабить нижний винт, придержать соскальзывающую пружину, аккуратно вытянуть треснувшую пластину наружу. Металл обжигал подушечки пальцев остаточным жаром прежних пусков. Лив зажала пластину в маленьких тисках, достала из кармана серый полировочный брусок с алмазной крошкой и наложила поверх скола простейшую стяжку — три витка плотной стабилизирующей нити, закреплённой быстрым прижигающим импульсом.

Руки слегка подрагивали от дикой спешки. Вернуть пластину в паз, поймать пружину, затянуть винт до щелчка. Теперь — перемычка. Зачистить провод лезвием, соединить жилы, капнуть на соединение быстросохнущую фиксирующую мастику и набросить сопрягающие чары.

— Готово, — выдохнула она, опуская рубильник на боковой панели.

Стенд тихо загудел. Обе чугунные конфорки потемнели, наливаясь ровным жаром, а два настенных плафона вспыхнули чистым белым светом без малейшего мерцания. Лив при-

² Устройство, которое по поступившему сигналу переключает цепь или запускает механизм.

ложила тыльную сторону ладони к кожуху терморегулятора: контур сброса держал нагрузку ровно, отводя излишки тепла в нижний поддон. Всё работало исправно.

Она торопливо бросила инструменты в карман, метнулась к столику и схватила перо.

В верхней колбе часов почти не осталось песка. На аккуратное заполнение таблицы измерений оставалось меньше пяти минут. Лив строчила с отчаянной скоростью, размазывая чернила манжетой форменного платья. Она успела набросать схему сопряжения и вывести итоговую силу импульса, но графа «Теоретическое обоснование применённых чар» осталась заполненной лишь наполовину — последние песчинки с сухим шорохом рухнули вниз.

Мастер Торвальд подошёл к столу, снял очки в проволочной оправе и долго разглядывал сначала ровно гудящую плиту, затем наспех заполненный бланк.

— Работа принята, госпожа Викен, — произнёс он ровным голосом, в котором сквозило досадливое уважение. — Контур собран безупречно. Пластина прослужит ещё год.

Лив с облегчением выдохнула, чувствуя, как взмокшая спина прилипает к платью.

— Однако, — мастер обмакнул перо в чернильницу и вывел на полях ведомости размашистую закорючку, — регламент времени вы нарушили. Отчёт оформлен небрежно, выводы не завершены. Вы склонны увлекаться тем, о чём вас не просили, забывая о прямом распоряжении наставника.

Он захлопнул ведомость и поднял на неё суровый взгляд:

— Оценка за практику — «отлично». Итоговый балл за экзамен снижен до «хорошо». И в характеристику пойдёт запись о вашей... чрезмерной самостоятельности. Ступайте.

Лив прикусила губу, чтобы не огрызнуться, забрала перепачканный мастикой футляр с инструментами и вышла в гулкий коридор Академии. Она была зла на Торвальда, сердита на собственные испачканные манжеты, но внутри, под ложечкой, жило тихое и упрямое удовлетворение: плита была в полном порядке. И никого на ней завтра не обожжёт.

Через неделю после практического экзамена настал день выпуска. Линдхольм, небольшой академический городок в паре часов езды от столицы, зажатый между пологими лесистыми холмами и широким речным изгибом, особенно оживал в начале осени, когда Академия отмечала выпуск. Здесь всё крутилось вокруг студентов: лавки алхимического сырья соперничали с дешёвыми трактирами, в книжных рядах бойко торговали подержанными конспектами, а над мощёными булыжником улочками воздух звенел от гомона сотен молодых магов.

В Большом церемониальном зале Главного корпуса яблоку негде было упасть. Высокие стрельчатые окна пропускали яркое солнце, на деревянных трибунах шелестели шёлковые ленты, а в воздухе стоял тяжёлый цветочный дух от парадных букетов.

— Лив, стой смирно, она же съедет! — зашипела слева Клара, поправляя на Лив длинную шерстяную мантию.

Лив затаила дыхание.

На возвышении перед кафедрой ректор лично вручал выпускникам их главную награду. Не дипломы — плотные тиснёные листы бумаги с гербовыми печатями раздавали секретари у боковых дверей. Главным было другое.

Когда подошла её очередь, Лив поднялась по трём дубовым ступеням, чувствуя, как деревянный помост слегка подрагивает под ногами. Ректор — седобородый старик в парадном облачении с золотым шитьём — улыбнулся устало, но доброжелательно и взял со стола плотную чёрную шляпу.

Она опустила на голову Лив мягко и весомо. Широкие ровные поля, высокая тулья³, аккуратно загибающаяся на самом кончике, и матовая латунная пряжка на ленте: переплетён-

³ Верхняя часть шляпы над полями.

ные звенья цепи и колесо со спицами — официальный знак квалифицированной ведьмы прикладной магии.

Шляпа не искрила чарами, не добавляла сил и не шептала на ухо тайных заклинаний. Это был просто кусок плотного, защищённого от дождя и ветра сукна. Но в этот миг Лив показалось, что она выросла на добрых полголовы. Пять лет зубрёжки контуров, разбитые колени на полигоне, обожжённые пальцы и бесконечная возня со старыми железками — всё сошлось в этой шляпе. Она больше не была девчонкой из отцовской харчевни, приехавшей в Линдхольм по государственному гранту для бедняков. Она была дипломированным специалистом.

— Поздравляю, госпожа Викен, — негромко сказал ректор. — Служите королевству честно.

Спустившись с помоста, Лив попала прямо в объятия подруг. Клара и Грета уже щеголяли в таких же новеньких шляпах — у Клары на ленте поблёскивала латунная шестерня артефакторного дела, у Греты — листок лекарского отделения.

— Ну всё, теперь мы дипломированные ведьмы! — восторженно выпалила Клара, кружась на месте так, что полы мантии взлетали колоколом. — Мне утвердили распределение в пригородную управу Вестерхавна! Принимать магические механизмы в портовых доках! Море, чайки, надбавка за прибрежную сырость! Грету берут младшим провизором в городской госпиталь. Лив, а ты куда? Тебя же сватали на столичные мануфактуры?

— Сейчас узнаю. — Лив улыбнулась и направилась к широким дубовым доскам объявлений у выхода, вокруг которых уже шумела добрая сотня выпускников.

Весь выпускной зал пестрел пряжками разных факультетов. Высокомерные боевики с эмблемами скрещённых клинков громко спорили, кого заберут в столичную гвардию, а кого отправят по гарнизонам внешних границ. Пропахшие серой и кислотами алхимики радовались контрактам на пороховые и красильные мануфактуры. Немногочисленные ритуалисты-защитники, мечтавшие о службе при узлах столичного купола, держались особняком, а лекари деловито сверяли подъёмные в провинциальных клиниках.

Прикладников — выпускников факультета магического хозяйства — остальные факультеты традиционно недолюбливали за приземлённость. Боевые маги презрительно морщили носы, называя их «смотрителями водогреев и кухонными заклинателями». Но Лив на эти шуточки было плевать. Без бытовой магии ни один пышный замок не прожил бы и недели: именно прикладники держали тепло в больницах, следили за вентиляцией шахт, латали водопроводные накопители, выводили плесень из товарных складов и настраивали освещение целых кварталов. Работа была черновой, негероической, зато стабильной и понятной.

Предстоящее распределение не тревожило Лив. Она училась на полном государственном обеспечении: королевская казна оплачивала жильё, еду и форму, а взамен требовала три года обязательной службы там, куда назначат. Лив надеялась на скромную, спокойную должность: помощника инженера на водоочистных сооружениях, смотрителя тепловых контуров в больнице Линдхольма или дежурной ведьмы на одном из столичных товарных складов. Жалованье там было небольшим, зато жизнь текла предсказуемо, без потрясений. Отработать три года, накопить денег, получить свободный патент — и открыть собственную мастерскую бытового ремонта. Ведьмы с сильным даром, как и драконы, порой доживали до двухсот лет: магия замедляла старение. Времени освоить ремесло у Лив хватит. Оставалось найти тех, кто согласится платить за него.

Она протиснулась сквозь толпу, нашла раздел «Факультет прикладной магии и магического хозяйства» и пробежала пальцем по алфавитному списку.

«Валлен... Вестермарк... Викен, Лив».

Строчка напротив её имени была набрана жирным типографским шрифтом. Лив моргнула, решив, что яркое солнце из окна бьёт в глаза и смазывает буквы.

Посмотрела снова.

Буквы никуда не делись:

«Викен, Лив. Должность: личная помощница главы Чёрного дома. Назначение: именной запрос Его Светлости герцога Людвига Стенмарка. Место службы: город Вальборг, резиденция Стенмарков».

Вокруг шумели голоса, кто-то смеялся, кто-то разочарованно вздыхал над направлением в дальние гарнизоны, но для Лив все звуки внезапно провалились в глухую вату. В ушах тонко и противно зазвенело.

— Лив? Ты чего застыла? — спросила Грета, заглядывая в список через её плечо. Пробежала глазами по строчке, поперхнулась воздухом и испуганно отшатнулась: — Пресвятая Грань... Это шутка такая?

— Ошибка, — деревянным голосом выговорила Лив. — Типографская опечатка. Наборщик перепутал списки.

Она развернулась на негнущихся ногах и почти бегом бросилась по боковой галерее к дверям распределительной комиссии.

В просторной канцелярии царил деловитый порядок. Секретари перевязывали шпагатом пухлые папки, чернильницы стучали о столешницы, пахло сургучом и гербовым лаком. За длинным столом сидела госпожа Бломквист — сухопарая дама в строгом сером платье, ведавшая договорами грантовиков.

— Госпожа Бломквист, простите! — задыхаясь, выпалила Лив, вцепляясь пальцами в край стола. — Там на доске... в списках прикладников чудовищная ошибка. Моё имя поставили напротив Чёрного дома.

Бломквист даже бровью не повела. Она аккуратно отложила промокательную бумагу, сняла очки и посмотрела на Лив холодными глазами.

— Фамилия?

— Викен. Лив Викен, бытовой факультет.

Чиновница потянулась к стопке синих папок, безошибочно выдернула одну из середины и раскрыла её. Лив увидела свой выпускной лист, ведомость оценок и приколотый к ним плотный лист с тяжёлой, угольно-чёрной сургучной печатью. На оттиске чётко проступал силуэт опустившего крылья дракона, обвивающего меч правосудия.

— Никакой ошибки нет, госпожа Викен, — отчеканила чиновница. — Именной запрос поступил три дня назад из канцелярии Его Светлости герцога Стенмарка. Документ подписан лично главой дома, завизирован королевским департаментом юстиции и зарегистрирован под номером сорок два.

— Но я... я бытовая ведьма! — Лив отчаянно махнула рукой, едва не сбив шляпу с головы. — Я чиню обогреватели! Я умею накладывать заплатки на водогрейные баки, настраивать светильники и выводить плесень из подвалов! При чём здесь Чёрный дом?! Чёрный дом судит драконов и расследует преступления по Завету! Им нужны боевые маги, некроманты, следователи...

— Главе Чёрного дома виднее, кто ему нужен, — отрезала Бломквист. — Ваша квалификация полностью соответствует заявке: специалист по диагностике и обслуживанию сложных закрытых контуров, ведению технической документации и хозяйственному надзору. К тому же, — чиновница заглянула в характеристику, и уголок её рта едва заметно дрогнул, — мастер Торвальд особо отметил вашу способность обнаруживать скрытые угрозы за пределами стандартного задания. Видимо, канцелярия герцога сочла это полезным качеством.

— Я могу отказаться? — с надеждой спросила Лив, хотя сердце уже падало в пятки. — У меня есть право выбора?

Бломквист вздохнула и пододвинула к ней раскрытый лист предписания:

— Напоминаю вам основы королевского права, госпожа Викен. Вы обучались за казённый счёт. Полный грант обязывает вас принять распределение. Вы имеете право отказаться

лишь в двух случаях: если предложенная работа прямо угрожает вашей жизни и здоровью без должного магического прикрытия либо если условия не соответствуют полученной квалификации. Работа личной помощницы в городской резиденции законна, безопасна и полностью соответствует диплому прикладной магии.

— Но это же Стенмарк! — вырвалось у Лив. — О нём в газетах такое пишут... говорят, он драконов голыми руками давит, а в его кабинете люди от страха сознание теряют!

— Слухи из бульварных листов департамент не интересуют, — сухо припечатала Бломквист. — Простое «я боюсь нанимателя» основанием для расторжения договора не является. Если вы откажетесь подписать назначение, вам придётся немедленно возместить казне полную стоимость пятилетнего обучения. С процентами это составит восемьсот крон. У вас есть при себе такая сумма наличными?

Лив судорожно сглотнула. В её тощем матерчатом кошельке лежало три кроны и сорок грошей — всё, что осталось от подработок в мастерских после покупки выпускных чулок. Чтобы отложить восемьсот крон, семье пришлось бы несколько лет экономить на всём. Почти все деньги харчевни уходили на продукты, жалованье работникам и содержание дома.

— Нет, — тихо сказала она.

— В таком случае возьмите перо и распишитесь в получении предписания. Завтра утром вы обязаны явиться в столицу, в резиденцию Стенмарков. Опоздание будет расценено как уклонение от государственной службы со всеми вытекающими последствиями.

Пальцы Лив окоченели, пока она выводила свою подпись на тройном бланке. Ей вручили запечатанный пакет с предписанием, выписку из договора и дорожный лист.

Выйдя на залитое солнцем академическое крыльцо, Лив остановилась. Вокруг шумели выпускники, в лазурном небе над шпилями Линдхольма с гиканьем проносились ведьмы на метлах, а у неё внутри было пусто и холодно.

Она спустилась по широким ступеням к стойкам магического транспорта, нашла свою метлу — старенькую, с потемневшим от времени ясеневым прутом и накрепко прикрученным кожаным седлом, — аккуратно положила поперёк черенка новенькую шляпу и глубоко вздохнула.

Надо было лететь домой. В Вальборг.

Семейная харчевня Викенов стояла на углу Ремесленной и Кожевенного тупика, неподалёку от восточных грузовых вокзалов Вальборга. Район был шумным, рабочим и пропахшим угольной гарью, дёгтем и жареным луком.

К восьми вечера основной наплыв посетителей схлынул. В общем зале пахло тушёной капустой, крепким элем и мокрыми половиками. Отец Лив, Эрик Викен, вытирал широкую дубовую стойку замасленной тряпкой, неторопливо двигая мощными предплечьями. Высокий, широкоплечий, со спокойным открытым лицом и сидящей русой бородой, он выглядел несокрушимым, как причальная тумба.

Дверь на внутреннюю лестницу скрипнула, и в харчевню заглянула Нора, мать Лив. Она уже сняла рабочий фартук, оставшись в строгом тёмно-коричневом платье с глухим воротом, и держала под мышкой grossbux с расчётами поставок.

— Закрывай, Эрик, — негромко сказала она. — Лив приехала. Вещи наверху бросила.

Эрик тут же отложил тряпку, опустил тяжёлый железный засов на входной двери и запер нижний замок на два оборота.

Семейный совет собрался в задней комнате харчевни — тёплом, полутёмном помещении, служившем Викенам одновременно малой гостиной и конторой. В камине потрескивали берёзовые поленья, на круглом столе исходила паром чугунная сковорода с картошкой и солёной сельдью, а в углу, прислонённая к косяку, стояла метла Лив.

Лив сидела на лавке, вытянув гудящие после двухчасового перелёта ноги. Её форменная мантия висела на спинке стула, а новенькая остроконечная шляпа с латунной пряжкой лежала посреди стола, словно диковинное заморское блюдо.

Четырнадцатилетняя Альма, младшая сестра, не сводила со шляпы благоговейных глаз. Она сидела на краешке табурета, поджав босые пальцы ног, и её веснушчатый нос чуть подёргивался от любопытства.

— Лив... а потрогать можно? — шепнула она.

— Примерь, если хочешь, — устало улыбнулась Лив.

Альма с придыханием подхватила шляпу двумя руками, бережно водрузила себе на макушку и тут же утонула в ней до самых бровей. Огромные поля легли ей на худенькие плечи, кончик комично загнулся набок, но лицо девочки сияло неземным восторгом.

— Я ведьма, — приглушённым голосом возвестила Альма из-под сукна. — Бойтесь меня, смертные!

— Смертные сейчас отправят ведьму мыть посуду, если она не снимет чужую вещь, — сухо заметила Нора, опускаясь во главе стола и придвигая к себе запечатанный пакет с предписанием.

Альма торопливо стянула шляпу, аккуратно опустила её на свободный стул и притихла.

Старший брат Оскар сидел напротив Лив, закинув руки за голову. Он пошёл в отца — такой же широкоплечий, крепкий, с насмешливыми серо-голубыми глазами и вечной привычкой поддразнивать сестру при любом удобном случае.

— Ну давай, выкладывай, наша учёная гордость, — хмыкнул Оскар. — На какую водокачку тебя определили? Надеюсь, не в свинарники Линдаля? А то метлу придётся отмывать с щёлоком.

— Хуже, — тихо сказала Лив.

Она достала из кармана сложенный вчетверо лист договора и положила на чисто выскобленные доски стола.

Нора развернула бумагу. Её цепкий, привыкший к приходным накладным взгляд мгновенно выхватил верхние строчки. Брови матери медленно поползли вверх, серые глаза расширились, а пальцы, сжимавшие лист, замерли.

— Эрик, — позвала она изменившимся голосом. — Подойди сюда.

Отец подошёл, опёрся тяжёлыми ладонями о спинку стула жены и нахмурился, вчитываясь в плотный типографский текст. В комнате повисла такая тишина, что стало слышно, как в камине стреляет смоляной сучок.

— Чёрный дом? — медленно переспросил Эрик, поднимая глаза на дочь. — Стенмарк? Тот самый... герцог?

Лив только молча кивнула.

— Ого, — протянул Оскар, подаваясь вперёд и вытягивая шею. Насмешка с его лица слетела начисто. — Это шутка? Лив, тебя что, перепутали с кем-то из столичных выскочек?

— Никакой путаницы. — Лив вздохнула и подпёрла подбородок кулаком. — Именной запрос из его канцелярии. Государственный грант, отказ не принимается, иначе штраф в восемьсот. Либо я завтра к девяти утра стою на пороге его резиденции, либо нас пустят по миру за долги казне.

Нора уже углубилась в чтение параграфов, шевеля губами и машинально прикидывая условия службы.

— Жалованье, — внезапно сказала мать, и голос её звучал почти ошеломлённо. — Сорок крон в месяц. Чистыми.

Оскар присвистнул. Эрик шумно выдохнул сквозь усы.

В семье Викенов, как и во всём рабочем Вальборге, деньги считали не отвлечёнными величинами, а грошами. В одной кроне было ровно сто грошей. За двадцать грошей в отцов-

ской харчевне можно было досыта накормить рослого портового грузчика миской густой похлёбки с мясом и кружкой ячменного пива. Сама Лив на старших курсах гордилась, если за вечер кропотливой починки студенческих светильников зарабатывала полсотни грошей.

Сорок крон — это четыре тысячи грошей. В месяц.

— Проживание в отдельной комнате в резиденции нанимателя, — продолжала зачитывать Нора ровным, напряжённым голосом. — Полный пансион за счёт дома. Форменная одежда и рабочие расходы компенсируются по представлении счетов. Рабочий день с восьми утра до семи вечера, перерыв на обед. Один выходной день в неделю по согласованию. Срок обязательной службы — три года. Сопровождение нанимателя на служебных выездах в пределах компетенции прикладной магии...

Мать оторвала взгляд от бумаги и посмотрела на Лив так пристально, словно видела её впервые:

— Лив. Сорок крон, а за жильё и еду платить не надо... Если будешь откладывать по тридцать в месяц, за три года накопишь больше тысячи. Будет с чего начать, если решишь открыть свою мастерскую.

— Мама, — тихо сказала Лив, — это резиденция Чёрного дракона. Он судит Великие дома. Он запечатывает чужую магию.

— Глупости не говори, — оборвал её Эрик, опускаясь на свободный табурет рядом с дочерью. Его широкая ладонь накрыла её холодные пальцы. Отец говорил спокойно, но в глубине его глаз стояла глухая тревога. — В сказках невесты что болтают, а в королевстве закон действует. Но вопрос остаётся, дочка. Зачем главе Чёрного дома девчонка из харчевни? У него в свите лучших магов королевства пруд пруди. Любой аристократ почёл бы за честь пристроить к нему своего отпрыска. Зачем ему именно ты?

Лив опустила взгляд на сковороду. Картошка уже остывала, подёргиваясь матовым жирком.

— Я не знаю, пап. В канцелярии сказали, что подошла моя квалификация. Диагностика контуров, работа с документами. И... на экзамене я нашла скрытую трещину в реле перегрева. Мастер Торвальд вписал в характеристику, что я лезу устранять угрозы, о которых меня не просили. Чиновница намекнула, что эта строчка могла привлечь внимание канцелярии Стенмарка.

Оскар усмехнулся и покачал головой:

— Ну точно. Все нормальные люди нанимают работников, чтобы те помалкивали и делали что велено, а герцог Стенмарк решил взять нашу Лив, чтобы она ему рассказывала, где у него в доме трещины.

— Оскар, помолчи, — строго одёрнула его Нора. Она постучала костяшками пальцев по столу, складывая условия в привычную бухгалтерскую цепочку: — Так. Договор официальный, печать королевская. Выезды только в пределах прикладной специальности — значит, в драки тебя совать права не имеют, для этого у них стража есть. Жалованье хорошее. Но это аристократы, Лив. Великие дома. Они на простых людей смотрят свысока. Чуть что не так — сделают виноватой и глазом не моргнут.

— Я буду осторожной, мам.

— Будешь, — твёрдо подтвердил Эрик. Он сжал её плечо — крепко, увесисто, передавая долю своего спокойствия. — Ты у нас девка умная, работающая, дело своё знаешь. Под ноги не лезь, в чужие дела нос не суй, делай только то, за что расписалась. Но если увидишь, что пахнет бедой или тебя пытаются подставить под чужой грех — бросай всё и возвращайся домой. Чёрт с ними, с деньгами. Харчевню продадим, долг выплатим, как-нибудь перебьёмся. Слышишь меня?

У Лив защипало в глазах. Она торопливо моргнула и кивнула:

— Слышу, пап.

— И условия, — добавила Нора, чеканя каждое слово. — Первое: шли весточку, как будет возможность. Если отправляют на выезд — предупреди нас заранее, куда и на сколько. Второе: в выходной собираешь вещи и едешь сюда. Обедать, спать в своей постели и отчитываться. Поняла?

— Поняла. — Лив слабо улыбнулась. — Обещаю.

Альма, всё это время тихо сидевшая на табурете и с восторженным трепетом переводившая взгляд со старших на Лив, вдруг подалась вперёд:

— Лив... А он правда настоящий дракон? Прямо огромный, с когтями и крыльями?

— Настоящий, Альма, — вздохнула Лив, поправляя выбившуюся из косы прядь. — Только в резиденции он ходит человеком. Драконы в комнатах крыльями не машут, мебель поломают.

— А летать на нём будешь? — с замиранием сердца спросила сестрénка. — Ну, если на выезд срочно надо? Он тебя на спину посадит?

Лив не сдержала короткого смешка:

— Альма, ты сказок перечитала. Я нанимаюсь личной помощницей, а не наездницей. Моё дело — папки с отчётами разбирать да светильники проверять. Летать я буду на своей старой метле, а кататься на драконах мне никто не предлагал.

— Жаль, — искренне огорчилась Альма. — А как с ним здороваться-то надо? «Ваше Драконейшество»? Или «Ваша Огнедышащая Светлость»?

— Огнём Красные дышат, а он Чёрный, — машинально поправила Лив, вспоминая вводный курс истории Великих домов. — А обращаться... «Ваша Светлость». По крайней мере, так в правилах этикета указано. Вот завтра и проверю, если от страха язык не проглочу.

— Не проглотишь. — Оскар поднялся из-за стола, обошёл лавку и коротко сжал её плечо. — Ты у нас упрямая, Лив. Тебя сам мастер Торвальд со стенда согнать не смог, когда ты свою железку чинила. Держись за инструменты, они надёжнее герцогских замашек. Пойдём, помогу тебе багаж перевязать. Завтра чуть свет вылетать.

Они поднялись по лестнице. Лив вошла в свою маленькую комнату под самой крышей. За окном шумел ночной Вальборг: экипажи стучали по мостовой, на дальних путях гудели маневровые паровозы. Внизу светились редкие магические фонари.

На столе у кровати лежали сложенные вещи: два простых платья, запасные чулки, прикладные конспекты и старое, зачитанное до потёртых углов пособие по боевым щитам, с которым она так и не смогла расстаться.

Рядом лежала новенькая остроконечная шляпа с латунной пряжкой.

Лив коснулась пальцами прохладного сукна. Страх никуда не ушёл — он сидел внутри холодным комком, напоминая о завтрашнем утре и мрачных воротах резиденции на Северной набережной. Но рядом со страхом пробивалось другое чувство — острое, упрямое любопытство.

Почему она?

Завтра она непременно это выяснит. Даже если для этого придётся задать прямой вопрос самому Чёрному дракону.

Глава 2.

Утро в мансарде пахло речной сыростью, остывшей за ночь жестяной крышей и жареным луком со сковороды этажом ниже.

Лив проснулась за четверть часа до звона колокола на восточной товарной станции. Села на кровати, спустив босые ноги на вытертый коврик, и несколько секунд просто смотрела на стену, оклеенную дешёвыми ситцевыми обоями в мелкий василёк. В углу у комода стояли два холщовых баула с затянутыми бечёвкой горловинами, а поверх них лежала вчерашняя шляпа. Широкие поля чуть примялись, но латунная пряжка с переплетёнными звеньями тускло блестела в серых утренних сумерках.

Ошибки не было. Ей действительно надлежало собраться и лететь на Северную набережную.

Она быстро умылась ледяной водой из жестяного кувшина, заплела русую косу, туго перевязав кончик кожаным шнурком, и натянула привычное шерстяное платье — простое, тёмно-синее, с глубокими накладными карманами, куда свободно входили щупы и отвёртки.

На скрип половиц в комнату бесшумно скользнула Нора. Мать уже повязала свежий рабочий платок, подобрала юбку и держала в руках полотняный свёрток, от которого исходил густой дух свежее испечённых ржанных лепёшек с солёным творогом.

— Поешь перед дорогой, — велела она, опуская свёрток на столик у окна. — Небось у господ герцогские завтраки по часам подают, а пока тебя там оформят да к делу приставят, желудок к хребту присохнет.

Лив послушно взяла лепёшку, отломил кусок и принялась жевать. Творог был горячим, солоноватым и приятно обжигал нёбо.

— Вторую пару башмаков я под кроватью оставила, — сказала она, кивнув на полупустой вещевой мешок. — Тяжёлые они. Если на метлу навьючить, центровка сойдёт, на поворотах заносить будет.

— И правильно, — кивнула Нора, придирчиво оглядывая комнату в поисках забытых мелочей. — Башмаки Оскар на телеге в Верхний город завезёт, когда за мукой поедет. Ты, главное, инструменты проверь.

Лив опустила на колени перед открытым парусиновым чехлом. Её собственный рабочий набор, купленный на третьем курсе за честно заработанные гроши: калиброванные медные щупы, два воронёных ключа для регулировки сопрягающих муфт⁴, узкие пластины из пружинной стали, флакон быстросохнущей фиксирующей мастики и тонкие кусачки с изолированными костяными ручками. Всё лежало по своим кармашкам, чисто вытертое, смазанное минеральным маслом.

Рядом со стопкой прикладных пособий по бытовым артефактам лежала ещё одна книга. Толстая, в вытертом коленкоровом переплёте с надорванным корешком, перевязанная суровой ниткой.

«Основы построения защитных боевых пологов и встречных импульсов. Для старших курсов факультетов специального назначения».

Нора скользнула взглядом по заглавию, но ничего не сказала. Только губы матери чуть сжались в тонкую линию. Десять лет назад, когда боевая ведьма Тюра Мёллер буквально выдержала их семью из горящей после прорыва нечисти харчевни на южном тракте, маленькая Лив заболела боевой магией так, что никакие увещания не помогали. Она выдержала тяжелейший вступительный отбор, набрала проходные баллы, но казна выделяла на боевой факультет всего три полных гранта, а разницу в оплате Викены потянуть не могли. Лив пошла на при-

⁴ Деталь, соединяющая части механизма, стержни или трубы.

кладной молча, без слёз и упрёков, но старое пособие с исписанными вдоль и поперёк полями таскала за собой все пять лет учёбы.

— Спрячь поглубже, — негромко посоветовала Нора, поправляя воротник платья дочери. — Чёрный дом боевых магов десятками на службу нанимает, у них своя выучка. Нечего начальству глаза мозолить старыми конспектами, а то решат ещё, что ты своим местом брезгуешь.

— Я не брезгую, мам.

— Вот и ладно.

Во дворе харчевни было свежо и туманно. От реки Эльвы тянуло запахом водорослей и мокрого дерева. Оскар уже выкатил метлу из сарая и теперь придиричиво осматривал ясеновый черенок, покачивая толстыми пальцами кожаное седло.

— Металлическую скобу на зажиме подтянуть бы на четверть оборота, — заметил брат, поднимая на Лив серые насмешливые глаза. — Ты её когда в последний раз смазывала, учёная голова?

— В прошлую пятницу. — Лив отобрала у него метлу, достала из кармана воронённый ключ и уверенно затянула нижнюю контргайку⁵ до глухого щелчка. — Она меня пять лет возит и ещё столько же провезёт, если под ноги не лезть.

Оскар усмехнулся, подхватил её баулы и ловко приторочил их сыромятными ремнями под седлом — так, чтобы груз не мешал коленям и не перевешивал прутьяной хвост. Лив натянула перчатки из плотной замши, проверила узел запасного ремня на поясе и аккуратно надела шляпу, надвинув её поглубже на лоб, чтобы встречный ветер не сорвал её на взлёте.

Эрик вышел на порог харчевни в расстёгнутом жилете, сжимая в кулаке дымящуюся трубку. Подошёл, тяжело положил руку Лив на макушку — прямо поверх плотного сукна новенькой шляпы — и коротко прижал её к груди.

— Удачи, Лив. Помни, о чём вчера говорили.

— Помню, пап.

Альма высунулась из кухонного окна, размахивая влажным полотенцем:

— Лив! Если он зарычит — не бойся, кричи громче!

— Он дракон, Альма, а не дворовый пёс, — буркнул Оскар, помогая сестре сесть на метлу.

Лив перекинула ногу через ясеновый черенок, устроилась в привычном твёрдом седле и прижала пальцы к латунному кольцу запуска.

— Всплытие и ход, — шепнула она выученный с первого курса якорь.

Контур метлы отозвался ровной, упругой вибрацией. Дерево под пальцами потеплело, прутья хвоста чуть распушились, ловя восходящий поток плотного утреннего воздуха, и Лив плавно оторвалась от булыжной мостовой.

Двор харчевни ушёл вниз. Отец с матерью остались стоять у крыльца, Оскар поднял руку в коротком прощальном жесте, а сестрёнка продолжала махать полотенцем, пока её светлая макушка не превратилась в крошечную точку среди серых черепичных крыш Ремесленной слободы.

Набрав триста футов высоты, Лив легла на курс вдоль русла Эльвы.

Утренний Вальборг просыпался. Над фабричными окраинами поднимались сизые дымы, по широкой глади реки пыхтели буксиры, толкая гружёные баржи с углём, а в воздухе над центральными кварталами уже вовсю сновали ведьмы. Большинство летело на стандартных служебных мётлах — с жестяными бляхами почтовой службы, зелёными флажками аптекарских лавок или тяжёлыми корзинами пригородных хозяйств. Лив держалась чуть в стороне от общего потока, экономя заряд накопителя.

⁵ Дополнительная гайка, мешающая основной гайке самопроизвольно отвинчиваться.

Выше, над самой рекой, плыл на расправленных крыльях медно-рыжий дракон. Лив проводила его взглядом. Тот едва шевелил крыльями, пока она уже второй раз поправляла курс, борясь с боковым ветром. Удобно всё-таки родиться с собственным летательным аппаратом.

Через сорок минут полёта речной берег круто забирал вправо, переходя в гранитные уступы Северной набережной. Шумные торговые кварталы сменились широкими улицами, глухими каменными оградами и вековыми вязами за коваными решётками. Здесь начинались владения родовой аристократии.

Резиденция Стенмарков показалась внезапно.

Лив ожидала увидеть мрачный замок с бойницами, ошетилившийся сторожевыми башнями и опутанный зловещей паутиной боевых заклятий. Вместо этого за высокой чугунной решёткой открылся просторный, основательный особняк из тёмно-серого тёсаного гранита — строгий, с широкими трёхколонными ризалитами⁶, высокой шиферной крышей и аккуратно подстриженными кустами живой изгороди вдоль подъездной аллеи.

Перед главными воротами Лив сбросила скорость и мягко опустилась на мощёный плитняком⁷ пятачок у чугунной калитки. На высоте двух человеческих ростов воздух едва заметно вибрировал: над оградой стоял ровный, гудящий купол внешней защитной завесы, отсекавший посторонний магический шум.

Едва её башмаки коснулись камней, в калитке щёлкнул замок, и на улицу вышел человек.

Лив машинально подобралась, ожидая увидеть рослого гвардейца с артефактным штучером⁸ наперевес. Но перед ней стоял пожилой господин в безупречно отглаженном тёмно-сером сюртуке, глухом крахмальном воротничке и начищенных до зеркального блеска ботинках. Худощавый, прямой как струна, с коротко стриженными серебристыми волосами и сухим, внимательным лицом, он смотрел на неё цепким, оценивающим взглядом человека, которого трудно удивить даже явлением архидемона посреди парадной залы.

— Госпожа Лив Викен? — осведомился он спокойным, хорошо поставленным голосом.

— Да. — Лив торопливо сняла замшевые перчатки и потянулась к нагрудному карману. — Я по предписанию распределительной комиссии. Личная помощница Его Светлости.

— Арне Даль, дворецкий этой резиденции, — представился он, принимая запечатанный конверт. Вскрыл его коротким движением тонкого костяного ножа, пробежал глазами предписание и вернул бумагу Лив. — Документы в порядке. Проходите, госпожа Викен. Метлу можете оставить в стойке за караульным помещением, багаж внесут слуги.

Лив послушно понесла метлу за ним в распахнутую калитку.

Внутри усадьба вовсе не казалась вымершим склепом. Слева от ворот располагался широкий мощёный двор, свободный от построек, клумб и фонарных столбов. Пространство посередине было выложено массивными гранитными плитами без малейших швов.

Заметив её недоумённый взгляд, Даль негромко пояснил:

— Посадочная площадка. Взрослому дракону требуется не менее ста двадцати футов открытого места, чтобы спокойно приземлиться и обернуться человеком. Если Его Светлость возвращается в истинной форме, двор должен быть свободен. Вы не должны оставлять здесь транспорт или посторонние предметы. Никогда.

— Я поняла, господин Даль, — отозвалась Лив, прикидывая размеры. Сто двадцать футов. Длина их харчевни вместе с пристройкой и пивным ледником составляла от силы сорок. Мысль о том, что существо таких размеров скоро приземлится прямо на эти камни, вызвала в животе неприятный холодок.

⁶ Часть здания, выступающая вперёд из общей линии фасада на всю его высоту.

⁷ Камень, раскалывающийся на плоские плиты и используемый для мощения.

⁸ Старинное ружьё с нарезным стволом.

Чуть поодаль, за невысокой каменной стенкой, виднелся ровный песчаный плац с деревянными столбами для выпадов и стойкой для учебного оружия.

— Фехтовальная площадка, — сухо пояснил дворецкий, проследив за её взглядом. — Его Светлость иногда упражняется здесь с мечом на рассвете. В наш век карабинов и артефактов искусство клинка считается устаревшим, но для старой аристократии остаётся классической школой физической подготовки и выдержки.

Лив скользнула взглядом по тренировочным деревянным столбам. Представить крылатого исполина, способного одним взмахом когтей разорвать карету, с тонкой стальной шпагой в пальцах было трудно. Но в голосе дворецкого звучало такое почтение к этой привычке, что Лив лишь молча кивнула.

Даль тем временем отвернулся от ограды и зашагал вперёд, вновь возвращаясь к строгому наставительному тону:

— И уясните сразу, госпожа Викен, — продолжал дворецкий, ведя её по вычищенной гравиевой дорожке к боковому служебному входу. — Это — городская жилая резиденция рода Стенмарк. Здесь господин герцог отдыхает, принимает близких и работает с текущими бумагами. Официальный судебно-следственный комплекс Чёрного дома, со следственными камерами, архивами, залами заседаний и коллегией хранителей процедуры, расположен в трёх милях отсюда, в правительственном квартале за рекой. Служба по делам Завета и домашняя жизнь разграничены строго.

— А... обычные дела? — осторожно уточнила Лив, вспоминая наставления матери. — Ну, городские преступления?

— Обычными преступлениями занимаются королевская полиция и провинциальные суды, — сухо отчеканил Даль. — Чёрный дом не вмешивается в кражу кур или пьяную драку у трактира, даже если один из участников носит дворянский титул. Юрисдикция Его Светлости возникает там, где затронут Завет Великих домов, где незаконно применена драконья сила или возник спор между доменными родами. К монарху вы обращаетесь «Ваше Величество», к главе Великого дома — «Ваша Светлость». Запомните это твёрдо. Ошибки в титуловании при дворе воспринимаются скверно.

— Постараюсь, господин Даль.

Внутри резиденция встретила Лив запахом воска, старого дерева, трубочного табака и очень слабой, едва ощутимой свежестью очистительных контуров. Холлы были просторными, паркет сверкал, но никакой показной позолоты или хрустальных каскадов Лив не увидела. Всё дышало основательностью, богатством и сдержанной строгостью.

В боковом коридоре цокольного этажа им навстречу торопливо шла плотная женщина лет пятидесяти в тёмно-синем платье старшей экономки и белом переднике. В руках она несла стопку свежих льняных салфеток. Лицо у неё было круглое, румяное, а из-под накрахмаленного чепца выбивались непослушные тёмные завитки с серебром.

— А, вот и наша новая помощница! — заговорила она певучим, мягким голосом, цепко оглядывая Лив с ног до головы. — Хедда Линдберг, старшая горничная, деточка. Комната твоя готова, на третьем этаже. Окна во двор выходят, тихо там, светло. Пальто снимай, не стой столбом, простудишься с утреннего ветродуя.

Лив машинально сняла шляпу, стянула дорожную накидку и передала Хедде. При этом она почувствовала, как от пальцев старшей горничной повеяло слабеньким, едва заметным бытовым теплом — профессиональные чары разглаживания и сушки ткани. Дар у Хедды был слабым. Похоже, специального магического образования она не получила, но бытовыми чарами владела уверенно.

Из приоткрытых двустворчатых дверей в конце коридора пахло жареным мясом, свежим дрожжевым тестом и корицей. Оттуда выглянул коренастый широкоплечий мужчина с

седеющими русыми усами, в белоснежном поварском колпаке и с закатанными до локтей рукавами рубахи. В мощной руке он сжимал длинную стальную поварёшку.

— Прибыла? — басом поинтересовался он, уставившись на Лив маленькими, пронизательными глазками. — Кнуд Хансен, шеф-повар здешний. Завтракала?

— Лепёшку дома съела, — призналась Лив, чувствуя, как от запаха выпечки рот мгновенно наполняется слюной.

— Лепёшку она съела, — сварливо повторил повар, оглянувшись на плиту за спиной. — На одной лепёшке через два часа ноги протянешь, а у нашего господина привычка не обедать, пока бумага последняя со стола не уйдёт. На вот, держи.

Он сунул ей в руку пухлую, обжигаяще горячую сдобную булку с маком и скрылся на кухне, откуда тут же донеслось яростное шипение раскалённого масла.

— Не обращай внимания, деточка, он у нас ворчливый, но добрый, — шепнула Хедда, забирая вещи. — Пойдём, Арне покажет тебе комнаты.

Комната на третьем этаже оказалась небольшой, но на удивление уютной. Высокое стрельчатое окно с широким подоконником выходило в тихий внутренний сад, у стены стояли узкая кровать под шерстяным пледом, платяной шкаф из тёмного дуба и добротный рабочий стол с массивной масляно-магической лампой.

Лив положила на стол шляпу, аккуратно пристроила рядом парусиновый футляр с инструментами и вздохнула. Это было лучше, чем комната в студенческом общежитии Линдхольма. Намного лучше.

— Вещи распакуете позже, госпожа Викен, — напомнил Даль, стоявший в дверях. — Его Светлость уже в кабинете и ожидает вас. И запомните ещё одну деталь.

Он жестом подозвал её к перилам лестничного пролёта и указал рукой вниз, на второй этаж.

Там, у высоких напольных часов с маятником из полированной меди, широкий коридор делился надвое. Левое крыло уходило под круглую каменную арку, за которой царила полутьма и стояла абсолютная, звенящая тишина. Двери там были массивными, из чёрного морёного дуба, без латунных табличек.

— За аркой — личные покои господина герцога и закрытые семейные помещения, — тихо, но с ледяной отчётливостью произнёс дворецкий. — Вход туда персоналу без прямого личного распоряжения Его Светлости строжайше воспрещён. Ни убирать, ни проверять светильники, ни искать забытые бумаги там не следует. Всё, что касается работы, происходит в кабинете, малой приёмной или библиотеке. Правило не имеет исключений. Вы меня поняли?

— Предельно ясно, господин Даль, — ответила Лив, машинально касаясь пальцами подола платья. Запрет прозвучал так веско, что мысль заглянуть за ту арку выветрилась из её головы мгновенно.

— Тогда следуйте за мной.

Рабочий кабинет Людвиг Стенмарка поражал прежде всего размерами и порядком.

Это была огромная, залитая утренним светом угловая комната с тремя высокими окнами, выходившими на набережную и сад. Вдоль стен до самого потолка тянулись застеклённые книжные шкафы, заполненные рядами одинаковых кожаных корешков с золотым тиснением — судебные своды, трактаты по магии, уставы Великих домов и реестры Завета. У дальней стены пылал глубокий камин из белого мрамора, но жара от него не чувствовалось: огонь горел ровно и бесшумно, подчиняясь скрытому контуру теплового контроля.

У центрального окна стоял массивный стол из чёрного дерева, заваленный папками, свитками и чертежами.

А за столом сидел человек.

Когда двери за спиной Лив мягко закрылись, мужчина поднял голову от развёрнутого свитка, и Лив почувствовала, как воздух в груди внезапно стал густым и тяжёлым.

Людвиг Стенмарк выглядел точно так, как о нём писали в столичных ведомостях, только без газетного пафоса. Высокий — пожалуй, даже выше её отца, — широкоплечий, в тёмно-сером жилете поверх простой белой рубашки из тонкого полотна без кружев и вензелей. Рукава рубашки были небрежно закатаны до локтей, обнажая сильные предплечья со светлой кожей. Пальцы у него были длинные, сухие. Густые, почти смоляные чёрные волосы падали на лоб, черты лица казались высеченными из твёрдого серого камня — прямой резкий нос, чёткая линия челюсти, тёмные прямые брови.

Но главное было в глазах. Тёмно-серые, цвета полированного оружейного графита, они смотрели на Лив без злобы, без любопытства, но с такой пронизывающей, тяжёлой внимательностью, что ей невольно захотелось сделать шаг назад и спрятаться за косяк.

На безымянном пальце его правой руки поблескивал массивный перстень из чёрнёного серебра с глубоким оттиском свернувшегося дракона — личная печать главы Чёрного дома.

— Госпожа Лив Викен? — раздался голос.

Голос оказался низким, глубоким и удивительно спокойным. Людвиг не повышал тона, не давил интонациями, но каждое слово падало в тишину комнаты с весом свинцового груза.

— Да, Ваша Светлость. — Лив сделала аккуратный шаг вперёд и замерла, сложив руки на животе, как учили на занятиях по этикету. Колени предательски подрагивали, но подбородок она держала ровно.

Герцог отложил перо, откинулся на спинку высокого кожаного кресла и несколько секунд молча изучал её. Лив стоило огромных усилий не отвести взгляда.

— Проходите. Присаживайтесь.

Он указал на аккуратный деревянный стол у входной двери. На нём уже стояли стопка чистой бумаги, письменный прибор из серого гранита и небольшая зачарованная лампа с матовым колпаком.

— Это ваше рабочее место, — продолжил Людвиг, не меняя невозмутимого выражения лица. — Ваши обязанности делятся на две части: постоянную и выездную. Постоянная — сортировка входящей документации, ведение реестра технических систем дома, проверка бытовых контуров отопления, освещения и вентиляции в рабочем крыле, а также надзор за состоянием архивных шкафов. Завтра Арне Даль передаст вам журналы учёта.

Лив достала из кармана маленький блокнот в кожаной обложке, остро отточенный карандаш и быстро записала: «Документы, контуры, шкафы, журналы».

Стенмарк наблюдал за её быстрыми движениями с едва заметным прищуром.

— Вторая часть, — продолжал он, — служебное сопровождение. Я регулярно выезжаю на места происшествий, связанных с нарушениями Завета и проявлениями нестабильной магии. В мои задачи входит дознание, применение антимагических мер и фиксация улик. В ваши — предварительная проверка сопутствующих магических систем, оценка безопасности бытовой инфраструктуры, контроль за сохранностью повреждённых контуров и подготовка технических заключений.

Лив замерла, держа карандаш на весу.

— Простите, Ваша Светлость. А... вмешательство? Если на объекте повреждён защитный контур или проводка искрит? Мне устранять неисправность?

Людвиг слегка наклонил голову:

— Только после моего прямого распоряжения. И это первое и главное правило, госпожа Викен, которое вам следует уяснить. На месте расследования ничего не трогать руками и не применять никаких плетений без согласования. Даже если вам кажется, что люстра сейчас рухнет кому-то на голову. Любое ваше вмешательство способно изменить остаточный магиче-

ский фон и уничтожить улику. Вы смотрите, оцениваете степень риска, докладываете мне — и, только получив подтверждение, приступаете к работе. Это понятно?

— Предельно понятно, Ваша Светлость. Сначала доклад, потом действие.

— Хорошо. Еще вопросы есть?

Лив глубоко вздохнула. Сердце колотилось где-то в горле, но природное упрямство и наказ отца пересилили страх. Она опустила блокнот на колени и прямо посмотрела в графитовые глаза герцога.

— Есть, Ваша Светлость. Один. Главный.

Брови Стенмарка дрогнули. Он явно не привык к тому, что выпускницы Академии начинают первый день службы с допроса нанимателя.

— Слушаю вас.

— Зачем вам прикладная ведьма? — выпалила Лив, чувствуя, как щёки заливают румянец, но не отступая. — В аппарате Чёрного дома служат лучшие следователи королевства. У вас есть боевые маги, некроманты Белого дома, артефакторы, законники. Я — вчерашняя студентка с бытового факультета. Мой диплом — печи, водопровод, светильники и учёт инвентаря. Почему именно запрос пришёл именно на меня?

В кабинете повисла гулкая тишина. Лив показалось, что она слышит, как в углу тикают каминные часы. Людвиг не рассердился, не ударил кулаком по столу и не позвал стражу, чтобы вышвырнуть дерзкую девчонку вон. Он лишь медленно повернул на пальце тяжёлый перстень с драконом.

— Вы считаете свой диплом второсортным, госпожа Викен? — негромко спросил он.

— Вовсе нет! — вскинулась Лив. — Мой факультет учит тому, на чём держится вся повседневная жизнь! Но прикладная магия не ловит преступников и не судит драконов.

— Преступников ловят следователи, а суд вершу я, — сухо отозвался Людвиг. — Мне не нужен в свите ещё один боевик. Боевой маг видит мир как череду мишеней и рубежей обороны. Если боевик сталкивается со сложной, разбалансированной конструкцией, его первая реакция — ударить по ней щитом или встречным разрядом. Артефакторы слишком теоретизируют, а законники не отличают фазовый провод от заземляющей жилы.

Он поднялся из-за стола. Рост его и впрямь был внушительным — широкоплечий, собранный, он двигался с той экономной, бесшумной грацией крупного хищника, которая выдавала в человеке истинного дракона задолго до трансформации. Подойдя к окну, Людвиг заложил руки за спину.

— Моя врождённая магия — Чёрная, госпожа Викен. Чёрная сила создана для того, чтобы гасить, подавлять, разрывать чужие плетения и запечатывать разрушительную мощь других драконьих родов. Я умею останавливать катастрофы. Но Чёрная магия почти не способна созидать, связывать и восстанавливать тонкие структуры. Иногда достаточно погасить один повреждённый узел. Но если приходится подавлять большой участок, вместе с ним гаснут и исправные чары. Мне нужен специалист, который умеет разобраться в устройстве контура, найти причину сбоя и восстановить повреждённые связи. Тот, чьи руки привыкли к рутинной, точной и незаметной диагностике.

Он обернулся и посмотрел на неё сверху вниз:

— Ваше личное дело безупречно. Вы закончили Академию с высшим баллом по контурам, вы дисциплинированы, у вас нет долгов, и — что для меня принципиально важно — ваша семья не имеет никаких связей с аристократией и Великими домами. Вы не станете передавать сплетни в Золотой дворец или продавать служебные чертежи Синим купцам.

Людвиг сделал шаг ближе к её столу, и в его графитовых глазах мелькнула едва уловимая искорка:

— И последнее. Я читал отчёт мастера Торвальда по вашей практической аттестации.

Лив сжалась, вспомнив размашистую закорючку на полях ведомости.

— Мастер был крайне недоволен, — тихо призналась она. — Сказал, что я нарушила регламент и полезла чинить то, о чём меня не просили.

— Мастер Торвальд — старый педант, привыкший к циркулярам, — спокойно парировал Стенмарк. — Но вы заметили микротрещину в аварийной пластине теплового сброса, которую экзаменаторы не видели три года. Вы поняли, чем это грозит, и предпочли устранить скрытую угрозу, пожертвовав собственным баллом за письменный отчёт. Большинство ваших сокурсников заполнили бы бланк, получили «отлично» и ушли пить пиво, не задумываясь о том, что при следующем пуске плита может взорваться.

Он вернулся к своему столу и опёрся ладонями о столешницу:

— Мне не нужны послушные исполнители, госпожа Викен. Мне нужен человек, который смотрит на механизм и замечает скрытую трещину, прежде чем она разнесёт весь дом. Поэтому я подал запрос на вас.

Лив сидела ни жива ни мертва. Слова герцога ложились на душу удивительно ровно, смывая липкий, унижительный страх, мучивший её со вчерашнего дня. Он выбрал её не из прихоти, он выбрал её за работу. За то самое упрямство, за которое её всю жизнь шпыняли наставники.

— Я... благодарю за доверие, Ваша Светлость, — выговорила она, чувствуя, как в горле пересохло. — Я сделаю всё, что смогу.

— Я на это рассчитываю. — Людвиг снова сел в кресло и пододвинул к себе кипу бумаг. — На сегодня ваша задача: спуститься к Далю, забрать сводный график дежурств по резиденции, внимательно изучить его и составить список вопросов. Завтра в восемь утра я жду вас здесь с готовыми замечаниями по регламенту обхода контуров. Свободны, госпожа Викен.

Лив поднялась, аккуратно задвинула стул, поклонилась — на этот раз почти без неловкости — и вышла в коридор, плотно прикрыв за собой тяжёлую дубовую дверь.

Оказавшись за порогом, она прислонилась спиной к прохладной каменной стене и шумно, прерывисто перевела дух. Колени всё ещё мелко дрожали, но пальцы, сжимавшие карандаш, были тёплыми и уверенными.

Он был драконом, герцогом и грозой Великих домов. Но под его началом можно было работать.

Спрятав блокнот в карман, дипломированная прикладная ведьма Лив Викен решительно поправила форменную шляпу и зашагала вниз по лестнице — навстречу господину Далю и его расписаниям.

Глава 3.

Утро второго дня встретило Лив запахом свежих газет, крепкого сургуча и мокрого гранита за окнами. Ночью над Вальборгом прошёл короткий холодный дождь, и набережная блестела серой мостовой, по которой уже цокали подковами первые ломовые упряжки.

Лив спустилась в кабинет ровно без десяти восемь. Её новенькая форменная шляпа аккуратно лежала на краю стола у двери, синее платье было вычищено, а парусиновый чехол с инструментами висел на нижнем крючке под столешницей.

На её столе уже стояли три одинаковых лотка из полированного ясеня с бронзовыми литерами на торцах.

— Запомните раз и навсегда, госпожа Викен, — раздался за спиной негромкий, сухой голос Даля. Дворецкий возник в дверях приёмной так бесшумно, словно скользил по воздуху. — Почта делится не по толщине конвертов и не по пышности гербов. Первый лоток — «Стенмарки». Сюда идут личные приглашения, семейная переписка, прошения об аудиенциях от родственников и хозяйственные дела родовых поместий в Стенвике.

Он коснулся пальцем второго лотка:

— Лоток «Управление». Корреспонденция следственного аппарата, отчёты королевской следственной службы, рапорты дежурных по камерам содержания и запросы из судов. Всё, что касается текущих разбирательств Чёрного дома. И третий лоток — «Завет».

Дворецкий задержал руку на последнем ящичке:

— Междомовые обязательства. Запросы правящего Золотого дома, ноты от глав других Великих домов, уведомления о кризисных происшествиях. Завет — древний магический договор, он старше нынешней королевской династии. Он ограничивает драконью силу, защищает людей от произвола Великих домов и обязывает дома помогать государству при бедствиях. Сам по себе Завет не ищет виновных и не определяет, кто лжёт. Завет ставит границы, а факты устанавливает следствие Чёрного дома. Поэтому бумаги из этого лотка ложатся Его Светлости на подпись немедленно, в любое время суток.

— Я всё поняла, господин Даль. — Лив кивнула, раскрывая блокнот.

— Сейчас проверим, — невозмутимо ответил дворецкий и положил перед ней стопку утренней корреспонденции, только что доставленной городским курьером. — Разбирайте. Я вернусь через двадцать минут.

Оставшись одна, Лив принялась за работу. Конверты шуршали, тонкий нож для писем вспарывал плотную бумагу. Пальцы двигались споро, пока на середине стопки Лив не наткнулась на два письма с пометками особой срочности.

Первое было в роскошном веленовом⁹ конверте с тиснёной золотой каймой и тяжёлой алой печатью виконта Торна. В записке, пахнущей дорогим мускусом, виконт нижайше просил Его Светлость уделить ему десять минут перед полуднем по «неотложному личному делу государственной важности». Второе письмо представляло собой серый стандартный бланк судебного ведомства с синим чернильным штампом: уведомление о перемещении под охрану ключевого свидетеля по делу о контрабанде зачарованной руды, требующее визы¹⁰ главы Чёрного дома до девяти утра.

Лив на секунду заколебалась. На часах было без двадцати девять. Виконт Торн состоял в родстве с Зелёным домом, его имя мелькало в светской хронике каждую неделю, а в письме стояло недвусмысленное «безотлагательно». Серый бланк выглядел обычной канцелярской бумагой, каких в архивах пылились сотни.

⁹ Высококачественная плотная бумага с ровной, гладкой поверхностью.

¹⁰ На служебном документе — отметка должностного лица о согласовании или разрешении.

Она положила золочёный конверт виконта поверх папки для Людвига, а серый бланк опустила во второй лоток, решив занести его вместе с остальными служебными бумагами после девяти.

Едва она закончила раскладку, дверь из внутренних покоев открылась, и в кабинет стремительно вошёл Людвиг. На нём был тёмно-синий суконный сюртук строгого кроя, белая рубашка застёгнута под горло, а графитовые глаза смотрели цепко и холодно.

— Утренняя почта готова? — спросил он на ходу, направляясь к своему столу.

— Готова, Ваша Светлость. — Лив поднялась, подхватила подготовленную папку и подошла к нему. — Срочное прошение об аудиенции от виконта Торна. Он настаивает на встрече до полудня.

Стенмарк даже не взглянул на золочёный веленевый лист. Он бросил короткий взгляд на лотки на столе Лив, и его тёмные брови сошлись на переносице.

— Где пакет из следственного управления по рудному делу?

Лив моргнула:

— Во втором лотке, Ваша Светлость. Там рядовое уведомление о переводе свидетеля... Я собиралась передать его с общей служебной партией.

— Немедленно сюда, — произнёс Людвиг. Голос его оставался тихим, но в нём прорезался металл.

Лив метнулась к своему столу, схватила серый бланк и протянула герцогу. Тот развернул бумагу, пробежал глазами строки, выхватил из чернильницы перо и размашисто расписался в нижней графе. Прижал к сырым чернилам перстень с печатью — серебро тихо звякнуло о бумагу, оставляя чёткий графитовый оттиск.

— Даль! — позвал он, не повышая тона.

Дворецкий появился на пороге мгновенно, словно стоял за портьерой.

— Слушаю, Ваша Светлость.

— Срочным курьером в центральный изолятор. До девяти часов конвой должен забрать свидетеля из портового участка. Если опоздают хоть на пять минут, люди Фалька перехватят карету на стрелке Нижнего канала. Выполнять.

— Слушаюсь. — Арне принял лист двумя пальцами и бесшумно исчез.

В кабинете повисла тяжёлая тишина. Лив стояла у края массивного стола, к щекам и вискам прилила жгучая волна стыда. Руки сами собой сжались в кулаки.

Людвиг медленно положил перо, сцепил пальцы в замок и посмотрел на неё.

— Виконт Торн, госпожа Викен, пытается попасть ко мне третий месяц, чтобы замять дело о незаконной вырубке заповедной рощи в Линдале. Для него встреча «неотложна», потому что завтра истекает срок подачи протеста в коронный суд. Если бы я не подписал этот бланк до девяти утра, свидетель по делу о контрабанде не доехал бы до судебных камер живым.

— Я... я виновата, Ваша Светлость, — с трудом выдавила Лив, глядя прямо в его графитовые глаза. — Я обратила внимание на статус отправителя и пометку о срочности, но не сопоставила реальные последствия задержки.

Людвиг смотрел на неё несколько секунд. Лив ждала выговора, приказа собирать вещи или холодного напоминания о штрафе за расторжение контракта. Но герцог лишь коротко вздохнул и покачал головой:

— Запомните правило, госпожа Викен. В этом доме пышный герб чаще всего означает попытку надавить на меня через светские связи. Служебный серый бланк с гербовым штампом — это чья-то безопасность, свобода или соблюдение закона. Обычные приглашения вы подтверждаете сами по графику. Служебные пакеты со сроком исполнения не ждут общей очереди. Если в бумаге стоит точное время, вы не дожидаетесь окончания сортировки, а кладёте её мне на стол. Немедленно.

— Поняла, Ваша Светлость. Больше не повторится.

— Надеюсь. Возвращайтесь к работе.

Лив вернулась к своему столику на негнувшихся ногах. Сердце всё ещё колотилось о рёбра, но под слоем жгучего стыда затеплилась тихая благодарность: он не стал орать, не стал выставлять её душой перед слугами, а просто и жёстко показал цену её невнимательности.

Она открыла блокнот и на первой странице крупно вывела: «Срок в служебном бланке важнее любого виконта».

К двум часам пополудни в малой приёмной между кабинетом и лестничным холлом стало душно.

Воздух сделался сухим, едким и пах перегретым металлом. Лив, выходявшая в коридор за реестром хозяйственных счетов, остановилась у подоконника. Под широкой дубовой рамой стоял массивный чугунный короб с медными рёбрами охлаждения и латунной рукоятью терморегулятора — стандартный автономный обогреватель столичной работы, запитанный от домового накопителя.

Рёбра прибора потрескивали от жара. Настенный стеклянный термометр над панелью показывал тридцать градусов тепла, хотя за окном моросило, а рукоять стояла на минимуме.

Рядом на корточках сидел невысокий худой ведьмак лет сорока в засаленном кожаном фартуке поверх шерстяной куртки. Возле его колен стоял потёртый деревянный футляр, набитый медными трубками и мотками изолирующего шнура. Это был Нильс, домашний мастер-ремонтник, которого Даль вызвал ещё до полудня.

— Ну что там опять? — проворчал Нильс, не оборачиваясь и вытирая замасленный лоб тыльной стороной рукава. — Вчера же новую термостатическую пластину поставил. Нулевая, прямо с мануфактуры Бьёрке. А он опять кочегарит, как паровозная топка.

Лив подошла ближе, опустила рядом и внимательно посмотрела на чугунный кожух.

— А пластину перед установкой проверяли?

— Обижаешь, госпожа ведьма, — буркнул Нильс, доставая из футляра узкую отвёртку. — Я много лет железо кручу. Пластина чистая, калиброванная на восемнадцать градусов. Контур целый. Это в домовом накопителе перекося по фазе идёт, к гадалке не ходи.

— Не похоже на накопитель, — тихо сказала Лив. — Если бы сбоил накопитель, лампа на потолке мигала бы. А она горит ровно.

Она достала из кармана свой парусиновый чехол, вынула тонкий медный щуп и прикоснулась к боковому винту смотровой крышки.

— Нить и мера, — негромко шепнула она якорь.

Контур развернулся послушно и мягко. Лив прикрыла глаза, сосредоточившись на внутреннем зрении. Чтобы провести чистую диагностику, ей требовалось удерживать сразу три знакомых бытовых плетения: световой огонёк над щелью, тонкую проверочную нить, проверяющую проводимость сплава, и страховочный удерживающий контур, чтобы прибор не выбил искру прямо в лицо мастеру. Для выпускницы прикладного факультета это была привычная, отработанная до автоматизма связка.

Магические потоки внутри обогревателя высветились ровным голубоватым сиянием. Пластина Нильса действительно была абсолютно целой. Проблема крылась в другом.

Справа от короба обогревателя, буквально в трёх дюймах под штукатуркой, проходила силовая жила оконного защитного контура. Она гудела густым, мощным золотистым гулом, прикрывая стекло от внешнего прослушивания и брошенных снаружи чар. И каждый раз, когда защитный контур посылал импульс проверки периметра, его наводка перехватывалась верхней скобой обогревателя. Реле принимало эту наводку за команду форсированного нагрева и открывало заслонку шире.

— Нильс, — позвала Лив, распахивая глаза и гася проверочные плетения. — Пластина ни при чём. Защита окна бьёт в управляющий провод. Они посажены на один уровень.

Мастер недоверчиво хмыкнул, прищурился и полез щупом в указанный зазор. Через полминуты его сухое лицо вытянулось:

— Тьфу ты, пропасть... И верно. Вчера маляры плитус меняли, скобу переставили повыше, прямо впритирку к защитной жиле. Но я туда не полезу, госпожа Викен. Там защита первого ранга. Трону крепление — тревога на весь дом взвует, Его Светлость мне голову оторвёт.

Лив поднялась на ноги, отряхнула юбку и решительно постучала в дверь кабинета.

— Войдите, — отозвался Людвиг.

Она шагнула за порог, держа руки за спиной:

— Ваша Светлость, разрешите доложить. В малой приёмной перегревается обогреватель. Причина установлена: линия управления прибора ловит помеху от соседнего защитного контура окна. Для устранения требуется обесточить соединительный узел, перенести нижнюю скобу на два дюйма в сторону и заново изолировать провод. Защиту периметра мы не трогаем.

Людвиг оторвал взгляд от чертежей, посмотрел на неё с лёгким удивлением, затем поднялся из-за стола:

— Показывайте.

В приёмной Нильс при виде герцога вскочил и вытянулся в струнку, судорожно пряча за спину замасленную тряпку. Людвиг подошёл к подоконнику, бегло оглядел вскрытый короб и нахмурился.

— Чувствительный узел запитан от аварийного резерва, — заметил он, безошибочно указав пальцем на толстый медный болт у основания рамы. — Если вы начнёте переносить скобу сейчас, остаточный заряд в конденсаторе ударит в инструмент.

— Я могу поставить изолирующий экран... — начала Лив.

— Не нужно, — негромко перебил Людвиг.

Он протянул правую руку к медному узлу. Лив затаила дыхание.

Никаких громовых раскатов, вспышек света или выкрикивания боевых формул не последовало. Герцог просто сжал пальцы в воздухе в паре дюймов от металла. Воздух вокруг его ладони внезапно стал абсолютно неподвижным, звуки за окном словно отодвинулись на милю, а Лив почувствовала, как привычное, живое дыхание магии в комнате на секунду замерло и случилось в точку.

Чёрная антимагия сработала ювелирно. Тонкий остаточный заряд в медном болте беззвучно погас, словно свеча, накрытая медным колпачком. При этом защитный контур окна, пульсировавший золотом в трёх дюймах выше, даже не дрогнул — Людвиг снял заряд исключительно с одной изолированной точки, не задев общую систему дома.

Он опустил руку и повернул перстень на пальце:

— Узел разряжен. У вас десять минут, госпожа Викен.

Лив не стала терять ни секунды.

— Нильс, держи нижнюю планку!

Она перехватила кусачки, отжала прикипевшую скобу, ловко отвела провод в нижний технологический паз под рамой и наложила свежий слой фиксирующей мастики. Руки двигались точно, пальцы помнили каждый зазор. Нильс, ободрённый спокойствием герцога, быстро ввернул новый винт и затянул контргайку.

Лив набросила стабилизирующее плетение, проверила зазор щупом и повернула латунную рукоять на деление «два».

Чугунный короб тихо щёлкнул. Рёбра перестали потрескивать, жар пошёл на убыль, уступая место ровному, мягкому теплу. Показания настенного термометра медленно поползли вниз. Оконная защита продолжала гудеть своим чередом, больше не задевая бытовой прибор.

Людвиг, внимательно наблюдавший за каждым её движением от дверей, слегка кивнул:

— Чистая работа. Занесите изменения в технический журнал дома, госпожа Викен.

— Слушаюсь, Ваша Светлость.

— И вот что ещё. — Герцог задержал на ней внимательный взгляд серых глаз. — С этого дня вы получаете право на самостоятельный плановый осмотр светильников, обогревателей и вентиляционных решёток в жилом и рабочем крыльях. Мелкий ремонт согласовываете с Далем. Если дефект затрагивает контуры безопасности или причина остаётся неясной — доклад мне. Всё сделанное фиксировать в журнале.

Лив выпрямилась, чувствуя, как внутри разливается приятная, гордая теплота.

— Будет исполнено, Ваша Светлость.

Перед ужином Лив спустилась на цокольный этаж.

В просторной кухне стоял густой чад и раздавался невообразимый грохот. На огромной плите из чёрного железа скворчали шесть чугунных сковород, в медных котлах булькал мясной бульон, а два кухонных мальчика-поварёнка с остервенением чистили морковь у длинного разделочного стола.

Кнуд Хансен стоял у центральной колоды и огромным секачом рубил баранью корейку. Каждый удар клинка сотрясал деревянный брус с глухим, пушечным треском.

Лив перешагнула порог, аккуратно прикрыла за собой дверь и остановилась у прохода, стараясь не мешать поварят, сновавшим с мисками.

— Чего застыла на проходе, госпожа ведьма? — не оборачиваясь, рявкнул Кнуд, и тесак со свистом опустился на сустав. — Того и гляди супом ошпарят!

— Я спросить хотела, господин Хансен, — спокойно отозвалась Лив, подходя к мойке и ловко подхватывая пустую деревянную кадку из-под корнеплодов, загораживавшую проход к леднику. Она убрала её под полку, освобождая дорогу мальчишке с ведром. — Когда персоналу ужин накрывают? Чтобы успеть закончить обход к ужину.

Повар замер с поднятым тесаком, скосил на неё маленький пронизательный глаз и хмыкнул:

— В шесть ровно в людской. Опоздаешь на десять минут — холодные объедки достанутся, у нас тут не харчевня, церемониться некому.

— В харчевне тоже не церемонятся, — усмехнулась Лив. — Если отец рагу передержит, посетители стойку разнесут.

Кнуд опустил топор на колоду, вытер руки о фартук и смерил её новым, куда более внимательным взглядом:

— Харчевня, говоришь? Отец держит?

— В Ремесленной слободе, у товарной станции. Пятьдесят посадочных мест, пивной подвал и кухня на четыре конфорки. Я там с десяти лет на каникулах картошку чистила и котлы драила.

Лицо повара слегка смягчилось, хотя морщины на лбу никуда не делись.

— То-то я смотрю, кадку с прохода убрала, а не перешагнула, как эти... в шёлковых чулках. Ладно, Викен. Слушай сюда. Если удержишься по поручению герцога или бумаги срочные придут — ко мне подходи заранее, порцию оставлю. Ночью кухня запирается, но малая дверь на щеколде. Вон там нагревательная подставка стоит. — Он указал тесаком на низкий дубовый столик у окна. Чайник на неё поставишь, рукоять повернёшь — через минуту кипит. Чашки на верхней полке, хлеб в сундуке под салфеткой. Садиться разрешаю только за этот стол. На разделочные столы книги и бумаги свои не класть, посуду грязную ставить в крайнюю раковину у окна. Поняла?

— Всё поняла, господин Хансен. Спасибо.

— «Спасибо» в карман не положишь, — проворчал повар, снова берясь за мясо. — Ты лучше скажи, хозяин сегодня из кабинета выходил?

— В два часа приёмную осматривал. Обогреватель чинили.

— Ясно. — Кнуд смачно сплюнул на посыпанный опилками пол у колоды. — Опять обед не тронул. Половину телячьего паштета назад принесли, с супа даже крышку не сняли. Он у нас с этим своим Заветом скоро воздухом питаться начнёт. Драконье брюхо, конечно, крепкое, но если в него мясо не кидать, однажды зарычит так, что весь Вальборг оглохнет. Ты приглядывай там за ним, Викен. Бумага бумагой, а если видишь, что человек к вечеру серый сидит — гони его жрать.

Лив сдержала улыбку, вспомнив ледяной взгляд Стенмарка:

— Боюсь, господин Хансен, если я начну гнать Его Светлость жрать, меня саму отсюда выгонят быстрее, чем суп остынет.

— Не выгонят, — буркнул повар, снова врубая тесак в кость. — Он справедливый. Только упрямый, как горный тур. Ступай давай, не мешай соусы варить.

Утро третьего дня началось с расписания.

Обычный рабочий день Лив, согласно контракту, длился с восьми утра до семи вечера, с часовым перерывом на обед. Раз в неделю ей полагался один законный выходной. Но стоило ей развернуть сводный лист на столе Людвига, как стало ясно: для самого герцога эти правила не существовали вовсе.

Стенмарк работал рывками, уплотняя встречи так, словно в сутках было больше двадцати четырех часов.

Лив сидела за своим столиком, вооружившись линейкой и чернильницей, и аккуратно выписывала задачи на день. Картина получалась пугающей.

В одиннадцать утра в каллиграфически выверенном Арне Далем распорядке значилось закрытое совещание по вопросам Завета с участием судебных экспертов Чёрного дома. Встреча касалась спора между Синим и Зелёным домами из-за перекрытия ирригационных каналов на реке Эльве — государственная обязанность, не терпящая отлагательств.

Но прямо поверх аккуратных чернил дворцового стремительным, размашистым почерком самого герцога — видимо, черкнувшего пометку накануне — стояло карандашное: «11:00 — приём управляющего строительной артелью¹¹ Коричневого дома по ремонту плотины в Грендале». Более того, на полях Людвиг приписал, что подрядчик прибудет не один, а с поверенным гильдии каменотёсов.

Лив нахмурилась. Наниматель умудрился втиснуть два взаимоисключающих события в один и тот же час, словно искренне рассчитывал разорваться надвое. Совещание по Завету перенести было немыслимо. Но и строители прибыли ночным поездом из далёкой горной провинции по официальному вызову канцелярии.

Она достала чистый лист и принялась перекраивать расписание.

С девяти до десяти утра Людвиг обычно изучал входящие рапорты следственного управления. Но в девять в доме был назначен плановый хозяйственный осмотр цокольных галерей, на который герцог вовсе не обязан был идти лично — теперь эти полномочия передали Лив и Нильсу под надзором Даля.

Лив быстро набросала новую схему.

С девяти до десяти — она сама вместе с Далем и мастером Нильсом проводит осмотр нижних контуров. В десять часов — приём срочной следственной папки из управления Чёрного дома, Людвиг успевает ознакомиться с ней за полчаса. В одиннадцать — закрытое совещание по Завету, строго до двенадцати тридцати.

Лив занесла перо над графой двенадцати часов и решительно провела двойную черту:

«12:30 — 13:30. Перерыв на обед. Вход закрыт».

¹¹ Объединение работников или мастеров для совместного труда.

Встречу с управляющим строительной артелью она перенесла на четырнадцать тридцать, выделив на неё ровно сорок пять минут. А напротив поверенного гильдии каменотёсов поставила жирный вопросительный знак: в договоре подряда числился только управляющий, присутствие гильдейского поверенного создавало лишнюю толчею и требовало отдельного согласования допуска.

Когда Людвиг вошёл в кабинет ровно в восемь, Лив уже стояла у его стола с переписанным начисто бланком.

— Доброе утро, Ваша Светлость. Расписание на сегодня скорректировано.

Герцог опустил в кресло, взял протянутый лист и быстро пробежал его глазами. Его брови едва заметно приподнялись:

— Вы перенесли подрядчика из Коричневого дома на половину третьего?

— На одиннадцать утра у вас назначено закрытое совещание по водной безопасности Завета, — чётко, по-военному доложила Лив. — Совместить эти встречи невозможно. Подрядчик прибыл утренним поездом, его разместили в гостинице у вокзала, перенос на три часа не помешает ему уехать вовремя. Кроме того, я вычеркнула поверенного каменотёсов. Его полномочия не заверены печатью дома Бьёрке, по регламенту он не имеет права присутствовать при обсуждении сметы Чёрного дома.

Людвиг помолчал, разглядывая чёткие строчки, выведенные аккуратным ведьмовским почерком.

— Логично, — негромко произнёс он. Затем его палец опустился на середину листа: — А это что?

Лив затаила дыхание. Палец герцога упирался аккурат в графу «Обед».

— Перерыв на обед, Ваша Светлость, — стараясь говорить максимально деловым тоном, ответила она. — Ровно один час. Кнуд Хансен подаст горячее в малую столовую в половине первого. Если вы не пообедаете до прихода подрядчиков, следующая возможность появится только после семи вечера.

Людвиг поднял на неё глаза. В его тёмно-сером взгляде не было раздражения — скорее читалось глубокое, искреннее недоумение человека, которому внезапно напомнили о существовании физиологических потребностей.

— Госпожа Викен, у меня нет времени на часовые обеды.

— Сорок минут, Ваша Светлость, — не сдавалась Лив, упрямо глядя ему в переносицу. — Двадцать минут на еду, двадцать на то, чтобы просмотреть чертежи плотины перед приходом артели. Голодный наниматель хуже читает сметы, это доказанный факт.

Уголок рта Стенмарка едва заметно дрогнул. Это не было улыбкой, но каменная маска его лица на миг смягчилась.

— Вы чрезвычайно заботливы, госпожа Викен. Мастер Торвальд в своём отчёте явно недооценил масштабы вашей... инициативы.

— Я просто выполняю условия контракта по надзору за порядком в рабочем крыле, — не моргнув глазом, парировала Лив. — Физическое состояние нанимателя прямо влияет на работоспособность канцелярии.

Людвиг опустил лист на стол и взял перо:

— Хорошо. Оставляйте половину третьего. Поверенного каменотёсов развернуть у ворот, если не представит доверенность с печатью Бьёрке. И распорядитесь, чтобы в половине первого Хансен прислал поднос сюда, в кабинет. В столовую я не пойду.

— Слушаюсь, Ваша Светлость, — с облегчением выдохнула Лив, забирая подписанный распорядок.

Она повернулась к своему столу, чтобы разложить утренние папки и отправить подтверждение подрядчику, но в этот момент тяжёлая дубовая дверь приёмной распахнулась без малейшего стука.

Глава 4.

Дверь в кабинет распахнулась без малейшего стука.

В комнату пружинистым, лёгким шагом вошёл молодой мужчина, на ходу сдёргивая с рук тонкие замшевые перчатки цвета спелого каштана.

— Люк, если твои законники из земельного департамента ещё раз пришлют мне смету на трёх листах с двойными печатями, я лично выпущу их канцелярию на свежий воздух через окно второго этажа!

Вошедший был высок, широкоплеч и строен, но сложен заметно легче герцога и казался подвижнее. В нём угадывалась порода Стенмарков, хотя черты лица казались мягче: волнистые тёмно-русые волосы с золотистым отливом лежали в живописном беспорядке, карие с янтарной искрой глаза весело щурились, а тёмно-зелёный сюртук из превосходного сукна сидел с той небрежной элегантностью, которой Лив отродясь не видела на улицах Ремесленной слободы. В петлице лацкана тускло поблёскивала булавка с тем же родовым знаком свернувшегося дракона, что красовался на перстне Людвига.

Мужчина подошёл к массивному столу, без малейших колебаний сдвинул в сторону раскрытую папку с рапортами, подхватил из вазочки спелое зелёное яблоко, с хрустом откусил кусок и только тогда соизволил заметить застывшую у входа Лив.

Его янтарно-карие глаза округлились, брови взлетели вверх, и яблоко замерло на полпути ко рту.

— Ого, — протянул он, с неподдельным интересом разглядывая её форменную шляпу на столе и парусиновый чехол с шупами. — Люк, признавайся. Ты наконец-то решил уволить того сухопарого зануду с левого фланга архива и завёл себе помощницу, которая хотя бы не пахнет нафталином?

Людвиг даже не поднял головы от расписания, только перо в его пальцах скрипнуло чуть резче обычного.

— Положи яблоко, Эмиль. И прекрати ломать двери.

— Я не ломаю, я экономлю твоё драгоценное время, — невозмутимо парировал гость, прислоняясь бедром к краю герцогского стола с той непринуждённостью, от которой у Лив внутри всё похолодело. Этот человек держался с грозным главой Чёрного дома так, словно они вчера вместе лазали по соседским садам. — Ты всё равно забываешь обедать, так что я спасаю запасы Кнуда от плесени.

Стенмарк медленно положил перо, поднял взгляд на вошедшего и с сухой укоризной покачал головой:

— Госпожа Викен, позвольте представить вам лорда Эмиля Стенмарка, моего троюродного брата. Человека, который абсолютно убеждён, что правила приличия созданы исключительно для тех, кто не умеет летать быстрее шестидесяти миль в час.

Лив торопливо поднялась со стула и присела в аккуратном, сдержанном реверансе:

— Доброе утро, милорд.

— Лорд Эмиль ведаёт хозяйственными договорами и светскими делами нашего дома, — продолжал Людвиг совершенно ровным тоном, в котором, однако, Лив впервые уловила тень привычного родственного терпения. — Когда он приезжает в столицу, то живёт в поместье. Если он требует поставить подпись вне очереди, вы отправляете его в малую приёмную пить чай.

— Какая жестокость. — Эмиль широко улыбнулся Лив, обнажая ровные белые зубы. В его голосе не было ни капли аристократического чванства, и это сразу сняло половину навалившейся неловкости. — Не слушайте его, госпожа Викен. Люк просто завидует тому, что на

родовых виноградниках Стенвика солнце светит ярче, чем над его судебными протоколами. Рад знакомству. Выпускница Академии Линдхольма, верно? Прикладной факультет?

— Да, милорд. — Лив осторожно кивнула, удерживая ровный, вежливый тон.

— Прекрасно. Наконец-то в этом доме появится хоть кто-то, кто понимает, что заклинаний замок проще смазать маслом, чем разносить дверной косяк карающей антимагией.

— Эмиль, — с нажимом произнёс Людвиг.

— Молчу, молчу. — Брат шутливо поднял свободную руку и вытащил из внутреннего кармана сюртука конверт из плотной серой бумаги, перевязанный шёлковым шнурком. — Аренда южных выгонов. Старый мельничный мост требует ремонта опор, фермеры просят отсрочить очередной платёж. Я проверил расчёты: если разобьём его на две части, они успеют закончить починку до затяжных дождей и не разорятся. Нужна твоя виза как главы дома.

Людвиг взял конверт, развязал узел и быстро просмотрел верхний лист.

— Ты проверял смету лично?

— Лично лазал под сваи. — Эмиль кивнул, на секунду став совершенно серьёзным и собранным. Вся его напускная праздность слетела, уступив место деловой цепкости человека, знающего цену чужому труду. — Камень крепкий, но нижний венец подгнил от весеннего паводка. Нужны плотники и пара толковых ведьмаков для гидроизоляции. Сделай милость, подпиши до полудня, у меня в три часа поезд в Стенвик.

— Поезд? — вырвалось у Лив. — Простите, милорд, я думала, вы летаете.

— Летаю, — охотно подтвердил Эмиль. — Но в поезде подают обед. Пробовал есть на лету — половину унёс ветер, за второй пришлось нырять.

Лив сверилась со своим свежим расписанием:

— Можете забрать пакет в тринадцать часов, лорд Эмиль, — сказала Лив, взглянув на Людвига. — Ваша Светлость, успеете подписать до обеда?

— Успею, — подтвердил он.

— Тогда я передам его вам в приёмной, — добавила она, обращаясь к Эмилю.

Эмиль удивлённо моргнул, перевёл взгляд с Лив на Людвига и тихо рассмеялся:

— Люк, где ты её откопал? Она заставила тебя жить по часам? В тринадцать ровно, говорите, госпожа Викен? Договорились. Буду как штык.

Он шутливо коснулся пальцами полей воображаемой шляпы, откусил ещё кусок яблока и так же легко, пружинисто выскользнул за дверь.

В кабинете снова воцарилась тишина. Лив перевела дыхание, осторожно опустилась на свой стул и аккуратно занесла в журнал учёта: «Пакет аренды южных выгонов. Срок выдачи лорду Эмилю Стенмарку — 13:00».

Напротив неё Людвиг медленно перевернул лист семейного договора. На мгновение его взгляд задержался на строчке с фамилией брата, и Лив заметила, как уголки его губ едва заметно дрогнули, словно он сдерживал улыбку. Он не стал комментировать выходку кузена, но в воздухе кабинета словно растаяла давящая ледяная чопорность.

Здесь жили люди. Живые, спорящие, поддразнивающие друг друга — и очень привязанные к своему угрюмому старшему дракону.

Четвёртый день службы пролетел в монотонной, но успокаивающей рутине.

Лив уже уверенно раскладывала утреннюю корреспонденцию по трём ясеневым лоткам: «Стенмарки», «Управление», «Завет». Документы с близким сроком исполнения сразу откладывала для передачи герцогу. Арне Даль больше не стоял над душой, но привычно заглянул в приёмную проверить, как продвигается сортировка.

После полудня Лив вместе с Нильсом завершила плановый осмотр цокольных галерей. Обогреватели гудели ровно, ни одна медная жила больше не ловила наводок от внешнего периметра, а выявленные мелкие дефекты — растрескавшуюся изоляционную оплётку на светиль-

нике в прачечной и расшатанный контакт вентилятора в винном погребе — она тут же внесла в технический журнал дома под подпись мастера.

Настоящая тревога настигла её утром пятого дня.

Людвиг вошёл в кабинет без четверти восемь, снял дорожное пальто и, не садясь за стол, повернулся к Лив:

— Завтра утром, госпожа Викен, вы сопровождаете меня на служебном выезде.

Лив замерла с пером в руке.

— Слушаю, Ваша Светлость. Куда именно?

— В Золотой дворец. Мне предстоит рабочая встреча с Его Величеством по вопросам пересмотра доменных квот и патрулирования северных рубежей по Завету. Совещание займёт не меньше двух часов, поэтому во время нашей беседы вы будете свободны. — Он сделал короткую паузу, окинув её внимательным взглядом. — Через две недели во дворце открывается историческая выставка, приуроченная к годовщине создания столичного защитного пояса. Мы приглашены на торжественное открытие, и вы будете сопровождать меня официально. Завтра, пока я занят у короля, вы пройдёте в историческое крыло и осмотрите выставочный зал: изучите переходы, расположение галерей и церемониальные выходы, чтобы в день приёма ориентироваться без заминок.

Золотой дворец. Лив сглотнула комок, внезапно вставший в горле. Не загородная усадьба, не складской терминал и даже не провинциальное имение. Королевская резиденция.

— Я... я поняла, Ваша Светлость.

— Выезд в десять пятнадцать, — добавил герцог, уже углубляясь в бумаги. — Одежда — строго форменная, аккуратная. Во дворце на вас будут смотреть десятки чиновников и мастеров, а вы представляете канцелярию Чёрного дома.

Спустившись в обеденный перерыв к Далю, Лив первым делом передала дворецкому короткую записку для родителей. «Завтра с утра на выезде во дворце, вернусь поздно. В воскресенье приеду на весь день, как обещала. Лив». Арне принял сложенный листок, аккуратно опустил в сумку для городской почты и сочувственно сощурился:

— Волнуетесь, госпожа Викен?

— До смерти, господин Даль, — честно призналась Лив. — У меня из приличной одежды — только то синее шерстяное платье, в котором я приехала.

Через час в её мансарду без стука вошла Хедда Линдберг. В руках старшая горничная держала плетёную корзинку с катушками ниток, ворох портновских булавок и мерную ленту с медными наконечниками.

— Ну-ка, деточка, скидывай платье, — решительно скомандовала она, захлопывая дверь бедром. — Арне шепнул, что тебя завтра к королю везут. Негоже нашей ведьмочке в мятом сукне перед придворными павлинами щеголять.

Лив послушно стянула платье, оставшись в нижней льняной сорочке. Хедда накинула платье на спинку стула, обошла вокруг Лив, придирчиво щупая ткань, и довольно хмыкнула:

— Сукно-то хорошее, плотное. Из Линдаля везли?

— Мама на ярмарке у знакомого суконщика отрез выторговала, — тихо ответила Лив. — Мы с ней вдвоём шили перед моим выпуском. Чтобы надолго хватило.

— Рукава хороши, и карманы глубокие, правильные, для инструмента, — одобрила экономка и велела Лив снова надеть платье. Затем принялась подкалывать булавками ткань на талии и плечах. — Но в плечах чуток широко, складка на спине собирается, когда ты руки поднимаешь. Во дворце на выскочек в мешковатой одежде косо смотрят. Мы сейчас пройму на четверть дюйма подберём, манжеты отгладим, а воротничок я крахмальной водой сбрызну. Стой смирно, не вертись!

Она ловко, почти не глядя, орудовала длинными стальными иглами. Лив почувствовала, как ткань платья мягко подтягивается по фигуре, больше не вися мешком, но при этом нигде

не сдавливая грудь и не стесняя движений. Хедда придирчиво заставила её дважды наклониться, достать из кармана тяжёлый воронёный ключ и сделать вид, что она подтягивает гайку на уровне пола.

— Удобно? — строго спросила женщина.

— Как влитое, госпожа Хедда. Нигде не тянет.

— То-то же. — Горничная удовлетворённо пригладила ладонью свежий шов. От её пальцев повеяло слабым, сладковатым запахом бытовых чар — крошечное пятнышко от вчерашней мастики на подоле бесследно растаяло, словно его стёрли влажной губкой. — Ты у нас девка видная, ладная. Аристократкой притворяться не надо, они фальшь за милую чуют и нос воротят. А вот опрятную, знающую себе цену мастерицу с дипломом уважать станут. Завтра утром чистое наденешь. И шляпу почисть, не позорь Академию.

Лив порывисто шагнула вперёд и неловко, коротко обняла плотную женщину за плечи:

— Спасибо вам огромное, госпожа Хедда.

— Ну-ну, растаяла, — проворчала экономка, пряча довольную улыбку и похлопывая Лив по спине мягкой, тёплой ладонью. — Беги давай. Даль в малой приёмной ждёт, велел тебя с переговорным аппаратом обращаться научить.

Вечером пятого дня в рабочей приёмной горела всего одна настенная лампа.

В полутьме комнаты у дальней стены тускло поблёскивали бронзой и тёмным деревом три массивных агрегата, на которые Лив до сих пор старалась лишний раз не смотреть.

Они были установлены в ряд на широкой дубовой консоли, намертво прикрученной к полу тяжёлыми латунными болтами. Одинаковые корпуса из тёмного морёного ореха напоминали солидные настольные часы без циферблатов: сбоку у каждого торчал кованый рычаг вызова с полированной костяной рукоятью, сверху покоилась бронзовая слуховая труба, а по центру темнела мелкая решётка голосового резонатора. Различались только стальные пластины под решётками с чёткими выгравированными надписями:

Первый: «Парный голосовой контур № 1. Резиденция — Дежурная часть судебно-следственного управления».

Второй: «Парный голосовой контур № 4. Резиденция — Канцелярия Золотого дворца».

Третий: «Парный голосовой контур № 7. Резиденция — Замок Стенвик».

Арне Даль стоял рядом, заложив руки за спину, и его спокойное лицо в неверном свете лампы казалось вырезанным из сухой кости.

— Смотрите внимательно, госпожа Викен, — произнёс дворецкий, коснувшись узкой ладонью среднего корпуса. — Это парные переговорные аппараты. В частных домах таких устройств вы не найдёте — их изготавливают на казённых мануфактурах исключительно для стратегических ведомств. В Академии вам наверняка читали о резонансных кристаллах: они намертво привязываются друг к другу при выплавке, один аппарат навсегда связан только со своим близнецом.

Лив с уважением разглядывала полированную медь. Казна ставила подобное оборудование лишь там, где задержка депеши грозила государственной катастрофой: в министерствах, у глав Великих домов и на узловых железнодорожных терминалах для координации эшелонов.

— Левый аппарат держит постоянный канал со следственным комплексом за рекой, — негромко пояснил Даль. — На случай ночных тревог, побегов из камер Завета или срочных докладов господина Линдгрена. Правый связывает резиденцию с управляющим родового замка в Стенвике. А центральный, номер четыре — с дежурным секретариатом Золотого дворца. Сегодня нас интересует именно он.

— У меня нет магического дара, — продолжал Даль совершенно спокойно, словно называл цвет своей жилетки. — Но этому устройству дар и не требуется. Чары вложены в накопитель при сборке на мануфактуре. Механизм запускается физическим усилием.

Он указал пальцем на боковой рычаг:

— Запомните последовательность. Первое: вы снимаете слуховую трубу с верхнего крюка и подносите к уху. Второе: опускаете рычаг вниз до глухого щелчка и ждёте. Звуковой импульс уходит по сопряжённому каналу на приёмный аппарат в дежурной канцелярии Золотого дворца. Там раздаётся сигнал колокола. Дежурный секретарь обязан снять трубку в течение трёх ударов.

— А если в комнате никого нет? — тихо спросила Лив.

— Там всегда кто-то есть, — отрезал Даль. — Дворцовая канцелярия несёт круглосуточную службу, у них сидят посменные секретари. Но если нужного лица нет на месте, аппарат не станет искать его по паркам и бальным залам. Это стационарный прибор. Вы можете либо попросить позвать человека к аппарату, если он находится в пределах здания, либо оставить краткое устное сообщение секретарю. Все входящие сообщения записываются в прошитый журнал с указанием минуты и фамилии принявшего.

— А у нас кто принимает вызовы? — уточнила Лив, глядя на три бронзовые воронки на консоли. — Не Его же Светлость к аппаратам бегают?

— За связь в резиденции отвечает моя служба, — пояснил Даль. — В холле и приёмной всегда дежурит либо кто-то из моих помощников, либо я сам. Ночью вызовы дублируются колоколами ко мне на нижний этаж.

— А меня вы учите?..

— Потому что вы — личная помощница Его Светлости, госпожа Викен, — сухо отчеканил дворецкий. — Ваша обязанность — по прямому поручению герцога выходить на связь с ведомствами, передавать служебные распоряжения, подтверждать аудиенции и, если окажетесь рядом при звонке, принять и точно записать устное сообщение. Вы должны владеть аппаратом безупречно, не теряясь перед столичными чиновниками.

Он отступил на шаг в сторону и жестом указал Лив на дубовую консоль:

— Действуйте. Ваша задача — связаться с канцелярией Золотого дворца и официально подтвердить визит Его Светлости герцога Стенмарка на завтрашнюю рабочую встречу.

Лив слотнула слюну, вытерла вспотевшие ладони о фартук и шагнула к столику.

Пальцы слегка подрагивали, когда она сняла с медного крюка увесистую бронзовую трубку. Металл охлаждал ухо. Она взялась за костяную рукоять рычага, с усилием потянула его вниз. Внутри орехового корпуса что-то сухо щёлкнуло, глухо зажужжали шестерни механического реле, и в бронзовой воронке у её уха послышался далёкий, мерный, стеклянный перезвон.

Один удар. Второй.

На третьем звон резко оборвался, и в трубке послышались шорох и потрескивание магического эфира, а затем — удивительно чёткий, скрипучий мужской голос, звучавший так близко, словно говоривший стоял за портьерой:

— Дежурный секретарь Золотого дворца господин Хольц. Слушаю вас.

Лив на секунду онемела, но железная выдержка, выработанная на экзаменах, взяла своё. Она придвинулась вплотную к бронзовой решётке резонатора и заговорила чётко, отдельно, контролируя каждую гласную:

— Добрый вечер, господин секретарь. Говорит личная помощница главы Чёрного дома Лив Викен из городской резиденции Стенмарков.

В трубке на миг повисла тишина, сменившаяся шорохом переворачиваемой бумаги:

— Слушаю вас, госпожа Викен. Канцелярия на связи.

— Подтверждаю служебный выезд Его Светлости герцога Людвига Стенмарка на завтра для рабочей аудиенции у Его Величества. Время встречи назначено на одиннадцать часов утра.

— Секунду, сверяю график. — Скрипучий голос удалился, в воронке слышался приглушённый стук конторских штампов и чьи-то далёкие шаги. Затем секретарь вернулся: — Да, запись подтверждена. Рабочая встреча с Его Величеством в одиннадцать ноль-ноль. Внимание,

госпожа Викен: в связи с подготовкой к торжествам парадный въезд перекрыт. Экипаж Его Светлости надлежит направить к Северным служебным воротам. Прибытие строго за пятнадцать минут до назначенного часа — в десять сорок пять, для досмотра и оформления разовых пропусков.

Лив быстро набросала карандашом на лежавшем рядом бланке: «Северные ворота. 10:45. Досмотр».

— Сведения приняты и зафиксированы, господин секретарь. Сопровождение — одна помощница.

— Записано. Благодарю за своевременное извещение. Конец связи.

В трубке щёлкнул затвор, раздался короткий, затихающий гудок, и в воронке воцарилась мёртвая тишина.

Лив аккуратно повесила трубку на крюк. Рычаг с мягким щелчком сам вернулся в верхнее исходное положение.

— Превосходно, — раздался за спиной спокойный голос Арне Даля. Дворецкий сдержанно кивнул, и в уголках его губ мелькнуло редкое одобрение. — Вы не сбились, назвали себя по всей форме и записали время прибытия. Теперь вы знаете, как работает голосовая связь.

Он пододвинул к ней чистый лист бумаги и чернильницу:

— Но помните главное правило, госпожа Викен: эти аппараты работают строго между своими точками. Вы не можете с дворцового аппарата связаться со следователями, а со стен-викского — вызвать дворец.

— Я помню, господин Даль.

— В городе действует сеть государственных телеграфных станций. Для срочной депеши вы прибываете на ближайший телеграфный пункт лично, заполняете служебный бланк с красной полосой и требуете немедленной передачи по защищённой доменной линии. Для обычной вести — нанимаете городского пешего вестового или отправляете курьера. Перепишите себе адреса дежурных телеграфных пунктов Северного округа и правительственного квартала.

Лив аккуратно перенесла адреса трёх ближайших станций в свой рабочий блокнот, закрыла его и спрятала карандаш в карман платья.

Через полчаса она сидела в своей мансарде у распахнутого окна.

Внизу тихо шелестел листвою ночной сад резиденции, над высокими гранитными стенами усадьбы мягко вибрировал защитный купол, а вдалеке, за тёмной лентой Эльвы, в звёздное небо взмывали подсвеченные золотистыми огнями стрельчатые шпили королевского дворца.

На спинке стула висело отглаженное, безупречно подогнанное Хеддой тёмно-синее платье. На столе стоял тщательно вычищенный парусиновый чехол с калиброванными щупами, лежал блокнот с адресами телеграфов и расписанием, а рядом покоилась чёрная остроконечная шляпа с латунной пряжкой прикладной магии.

Завтра в десять сорок пять утра её ждали Северные ворота Золотого дворца.

Лив коснулась пальцами прохладного края шляпы, глубоко вздохнула и погасила лампу.

Глава 5.

Утренний выезд из резиденции начался без суеты.

В десять часов во двор подали закрытый экипаж тёмно-графитового цвета, запряжённый парой рослых вороных меринов. На дверцах тускло поблёскивал серебром знакомый герб Чёрного дома. Лив, уже одетая в подогнанное Хеддой синее платье, стояла на крыльце, машинально придерживая за поля новенькую шляпу: с реки дул свежий порывистый ветер. В левой руке она привычно сжимала потёртый парусиновый чехол со своими инструментами. Оставить его в комнате рука так и не поднялась: пять лет в Линдхольме намертво вбили правило, что прикладная ведьма без рабочего набора щупов, ключей и щипцов чувствует себя голышом. Даже если наниматель велел всего лишь поглазеть на парадные залы и выучить протокольные переходы перед балом.

Людвиг вышел ровно в десять пятнадцать. На нём было строгое чёрное дорожное пальто из тонкого сукна с высоким глухим воротником и начищенные сапоги из мягкой кожи. Он спустился по ступеням, коротко кивнул Лив и распахнул перед ней дверцу:

— Прошу, госпожа Викен.

Лив забралась внутрь, опустилась на упругую кожаную подушку и пристроила футляр на коленях. Герцог сел напротив. Дверца захлопнулась, кучер щёлкнул кнутом, и экипаж мягко покатиł по мощёным улицам Северной набережной.

В карете пахло сухим теплом, кожей и едва уловимым горьковатым ароматом табака. Окна были прикрыты лёгкими шёлковыми шторами, приглушавшими уличный шум, и в полумраке салона наступила плотная, сосредоточенная тишина.

Лив впервые оказалась с нанимателем лицом к лицу в столь тесном пространстве без необходимости немедленно разбирать почту или отвечать на служебный вопрос.

Она скользнула взглядом по его фигуре. Людвиг сидел прямо, спокойно откинувшись на спинку сиденья, и смотрел в полуприкрытое окно. В ровном утреннем свете, пробивавшемся сквозь штору, его профиль казался высеченным из камня: прямой резкий нос, чёткая, уверенная линия челюсти, смоляная прядь густых волос, упавшая на висок. Под тёмным сукном пальто угадывалась скрытая, собранная сила взрослого дракона, способного разорвать чужое плетение одним движением руки.

И вдруг Лив поймала себя на совершенно неуместной, легкомысленной мысли: он был очень красивым мужчиной.

От этой внезапной догадки у неё под ложечкой сладко и тревожно ёкнуло, а к щекам мгновенно прилила предательская горячая волна. Лив испуганно моргнула и торопливо отвела глаза в сторону, уставившись на серебряную ручку каретной дверцы. «С ума сошла, — сердито отчитала она себя. — Это твой работодатель. Герцог Стенмарк. Судья Завета. Думай о дворцовом церемониале, дура, а не о его скулах».

Чтобы избавиться от наваждения, она снова взглянула на него — теперь уже взглядом добросовестной помощницы — и сразу зацепилась за крошечный не порядок.

Левый отворот высокого воротника пальто замялся внутрь, обнажая край полотняной рубашки. Видимо, герцог надевал пальто на ходу, спускаясь по лестнице, и плотная ткань легла кривой складкой.

Лив поколебалась пару секунд, затем набрала в грудь воздуха:

— Ваша Светлость, простите.

Людвиг повернул к ней голову. Графитовые глаза вопросительно сузились.

— Что такое, госпожа Викен?

— У вас воротник замялся с левой стороны. — Лив смущённо кашлянула, но упрямо продолжила: — Вы сами говорили, что во дворце мы представляем канцелярию Чёрного дома.

Досмотр у Северных ворот через двадцать минут. Помощнице положено следить за видом нанимателя. Позвольте, я поправлю?

Брови Стенмарка едва заметно дрогнули. Он несколько мгновений молча смотрел на её сосредоточенное лицо, а затем коротко наклонил голову вперёд и чуть вбок, открывая шею:

— Поправьте.

Лив подалась вперёд, опершись коленом о край сиденья, чтобы сохранить равновесие на мягких рессорах¹². Поднесла правую руку к его воротнику и негромко произнесла знакомую с детства бытовую формулу ухода за тканью:

— Нить и ровность.

Магическое плетение легло на плотную шерсть мягким, неслышным теплом. Ткань под её пальцами послушно расправилась, сбрасывая залом. Но когда Лив потянулась расправить уголок воротника, экипаж мягко качнуло на повороте. Её рука соскользнула, и кончики пальцев случайно коснулись открытой кожи на шее Людвига — прямо под линией челюсти.

Кожа под её пальцами была тёплой и гладкой. Лив обожгло этим прикосновением так, будто она схватилась за раскалённую конфорку. Она мгновенно отдернула руку. Шею и уши обожгло предательским жаром, а сердце глухо застучало под самыми ключицами.

— Простите, Ваша Светлость! — торопливо выпалила она, судорожно вжимаясь обратно в своё сиденье. — Карету тряхнуло... Я не хотела...

Людвиг не отшатнулся и даже не нахмурился. Он медленно выпрямился, проверил пальцами безупречно ровный край воротника и спокойно посмотрел на раскрасневшуюся Лив:

— Всё в порядке, госпожа Викен. Воротник лежит ровно. Благодарю вас.

Он отвернулся к окну, не сказав больше ни слова и не пытаясь комментировать её пылающие щёки. Лив уткнулась взглядом в свои сложенные на коленях руки, боясь даже вздохнуть лишний раз, и изо всех сил убеждала себя, что в карете просто слишком душно.

Ровно в десять сорок пять экипаж плавно затормозил перед массивными решётчатыми створами Северных ворот Золотого дворца.

Золотой дворец поражал колоссальным масштабом и древней каменной мощью.

Огромный ансамбль из светлого песчаника и полированного гранита возвышался на высоком холме над излучиной Эльвы. Высокие стрельчатые арки, строгие галереи, широкие гранитные лестницы и взмывающие в самое небо шпили, покрытые сусальным золотом, создавали ощущение непоколебимой твердыни. Над дворцом ровно и величаво дышал главный государственный контур Золотого дома — могучий защитный купол, прикрывавший столицу со времён основания королевства.

У Северных ворот их встретил караульный офицер в парадном колете¹³ с золотым гербовым шитьём. Досмотр прошёл быстро и корректно: имя герцога Стенмарка открывало любые двери, а парусиновый чехол Лив дежурные артефакторы лишь бегло проверили диагностической рамкой на предмет запрещённых боевых накопителей. Рамка отозвалась чистым зелёным свечением, офицер вернул бумаги и лично проводил визитёров через малые анфилады¹⁴ к приённым покоям монарха.

Ровно в одиннадцать утра тяжёлые створки из белёного дуба распахнулись.

— Его Светлость герцог Людвиг Стенмарк и сопровождающая помощница! — звонко возвестил церемониймейстер.

Лив шагнула следом за Людвигом в залитую солнцем малую аудиенц-залу и затаила дыхание.

¹² Упругая деталь подвески, смягчающая толчки при движении.

¹³ Короткая облегающая мужская куртка, в том числе форменная.

¹⁴ Ряд комнат, двери которых расположены на одной линии.

У высокого окна, выходящего в дворцовый парк, Лив увидела короля и королеву.

Королю Густаву Сольбергу было тридцать два года. Высокий, широкоплечий, в простом тёмно-рубиновом мундире с расстёгнутым верхним крючком и без единого ордена, он выглядел куда моложе своих портретов в государственных газетах. Густые тёмно-золотистые волосы с лёгкой волной падали на воротник, открытое лицо дышало спокойной, естественной силой, а янтарно-карие глаза искрились живым, непринуждённым весельем. Густав был истинным Золотым драконом — монархом, способным соединять отдельные защитные контуры в единую сеть и координировать защиту Альмарка, но держался он так просто, словно принимал старых друзей в загородной охотничьей усадьбе.

Рядом с ним сидела в глубоком бархатном кресле королева Астрид.

Ей было около тридцати. Стройная, с безупречной королевской осанкой, в элегантном утреннем платье цвета увядающей лаванды без излишних кружев. Длинные тёмно-каштановые волосы были уложены в строгую косу вокруг головы, серо-голубые глаза смотрели внимательно и мягко. В королеве Астрид не было ни капли драконьей крови — она происходила из старого недраконьего аристократического рода Экендал и магии была лишена вовсе. Но то, с каким спокойным достоинством и природным авторитетом она держалась в сердце магической монархии, вызывало невольное почтение.

— Люк! — искренне обрадовался Густав, делая два широких шага навстречу и крепко пожимая руку Стенмарка. — Наконец-то. Я уже думал, ты снова застрял над своими протоколами в подвалах за рекой.

— Дела Завета не ждут королевских выставок, Густав, — ровным, привычно сухим голосом отозвался Людвиг, однако в уголках его глаз мелькнуло давнее тепло старой дружбы. — Приветствую тебя. Ваше Величество. — Он повернулся к креслу и склонил голову перед королевой в безупречном поклоне.

Астрид с улыбкой протянула руку для церемониального поцелуя:

— Здравствуй, Людвиг. Надеюсь, дорога вдоль набережной была спокойной?

Лив, стоявшая на полшага позади герцога, почувствовала, как пересохло в горле. Настал её черёд. Она аккуратно подобрала подол синего платья, опустилась в самый глубокий реверанс, на который была способна, и выпалила на выдохе:

— Доброе утро, Ваша Светлость!

В комнате повисла тишина.

Лив замерла, не разгибая колен, и похолодела. «Ваша Светлость». Она назвала короля — верховного монарха Альмарка — титулом герцога. Пять лет зубрёжки придворного протокола пошли прахом из-за того, что последние несколько дней она только и делала, что твердила это проклятое обращение Стенмарку.

Густав моргнул, опустил взгляд на застывшую в реверансе ведьму, и его янтарные глаза озарились неподдельным, заразительным восторгом. Король издал короткий смешок, который тут же попытался замаскировать покашливанием в кулак:

— Люк... я, конечно, знаю, что твоя власть по Завету почти безгранична, но чтобы твои помощники понижали меня в титуле прямо в моём собственном дворце — это что-то новенькое.

— Простите, Ваше Величество! — в панике выговорила Лив, выпрямляясь и чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Я оговорила по привычке... Я знаю обращение!

Королева Астрид мягко остановила мужа, коснувшись его локтя кончиками пальцев:

— Полно тебе, Густав, перестань смущать девушку. Она ведь впервые во дворце.

Королева поднялась с кресла и подошла к Лив. Её серо-голубые глаза смотрели без малейшего высокомерия — с тем глубоким, понимающим сочувствием женщины, которая прекрасно помнила свой собственный первый визит в эти залы.

— Не тревожьтесь, госпожа Викен, — мягко произнесла Астрид. — Усталость и волнение случаются со всеми. Людвиг слишком строго соблюдает формальности, поэтому легко перенять его манеру. Главное, что вы здесь. Достаньте ваш блокнот и запишите расписание. Спокойная работа — лучшее лекарство от дворцового страха.

Лив с немой благодарностью посмотрела на королеву, торопливо вытащила блокнот и карандаш. Руки больше не дрожали.

Людвиг, всё это время стоявший рядом с невозмутимым видом, перевёл разговор на государственные дела:

— У нас на повестке пересмотр доменных квот и согласование патрулей по Завету на северных рубежах, Густав. Мне прислали проект, но по ряду пунктов требуются уточнения.

Король посерьёзней, вернувшись к роли монарха:

— Да, я видел спорные параграфы. Там есть о чём поговорить с главой Чёрного дома.

Людвиг коротко кивнул и повернулся к Лив:

— Поскольку наше совещание займёт не менее двух часов, я распорядился, чтобы госпожа Викен прошла в историческое крыло. Нам предстоит быть там на приёме через две недели, пусть заранее осмотрит выставочный зал, изучит расположение галерей и церемониальные выходы.

Астрид ободряюще улыбнулась:

— Прекрасная мысль. На открытии соберутся сотни гостей, в сутолоке легко растеряться, так что лучше освоиться на месте загодя. Заодно посмотрите залы, милая.

— И на центральную витрину взгляните, — добавил Густав. — Там как раз наш главный инженер Брандт и куратор заканчивают расстановку подиума. Полюбуйтесь на Призму Первого Щита — реликвия редкая, вблизи её мало кому доводится увидеть.

Людвиг посмотрел на Лив и добавил с весомой чёткостью:

— Ждите меня в боковой галерее. Вы меня поняли?

— Предельно ясно, Ваша Светлость, — твёрдо ответила Лив, на этот раз безошибочно обратившись к своему нанимателю.

Астрид мягко кивнула:

— Ступайте, милая. Лакей вас проводит. А мы пока займёмся бумагами.

Выставочный зал исторического крыла напоминал огромный кафедральный собор.

Высокие стрельчатые своды из полированного серого мрамора терялись в полутьме под потолком. Вдоль боковых стен тянулись пустые застеклённые витрины с бронзовыми накладками. Главный подиум располагался у дальней глухой стены, прямо напротив входа. На нём возвышалась массивная витрина из толстого гранёного горного хрусталя в оправе из тёмной оружейной бронзы, задней стороной примыкавшая к стене.

Вокруг витрины сустились люди. Служители в холщовых халатах разматывали войлочные дорожки, охранники в латах стояли у боковых выходов, а у самого подиума нервно расхаживал полный мужчина лет пятидесяти в бархатном камзоле с золотой цепью на груди — куратор выставки господин Вальберг.

Лив вошла в зал следом за придворным лакеем, держа парусиновый футляр за ручку.

Чуть поодаль от витрины, опёршись о край помоста, замер ещё один посетитель.

Это был высокий, сухопарый господин лет шестидесяти в безукоризненно сшитом сюртуке из тёмно-сливового бархата, с тростью из дерева с золотым набалдашником. В руках он держал печатный каталог экспозиции. Лицо его выражало холодное, аристократическое упрямство богатого человека, привыкшего получать желаемое.

— Господин Вальберг, я повторяю своё предложение в третий раз, — негромко, но с железной настойчивостью произнёс господин с тростью, даже не взглянув на вошедшую Лив. — Мой фонд готов профинансировать полную реставрацию южного крыла вашей картинной

галереи. Взамен я прошу всего лишь передать реликвию на временное ответственное хранение в моё частное собрание в Остерхольме.

— Господин Кауфман, ваше попечительство даёт вам право наблюдать за расстановкой стендов, но не торговаться за коронные реликвии! — Куратор аж побагровел от возмущения, нервно комкая кружевной платок. — Призма Первого Щита — национальное достояние Золотого дома! Она принадлежит короне и не подлежит передаче в частные руки ни при каких условиях! Её никогда не продавали и не сдавали в наём! Король Густав лично утвердил протокол: объект остаётся в государственной витрине под надзором короны. Разговор окончен!

Коллекционер Кауфман медленно сжал тонкие губы. В его глазах мелькнуло сухое, расчётливое раздражение, но устраивать публичный скандал он не стал. Лишь сухо поклонился, аккуратно спрятал каталог во внутренний карман сюртука и неторопливо направился к выходу, мерно постукивая тростью по мраморным плитам.

Лив проводила его взглядом и подошла ближе к центральному подиуму.

В витрине, на массивной бронзовой подставке с тремя фигурными лапами, покоился предмет.

Лив затаила дыхание.

Это была Призма Первого Щита. Небольшой, размером с ладонь взрослого мужчины, безупречно огранённый кристалл чистейшего горного кварца с лёгким золотистым отливом, заключённый в древнюю металлическую оправу из матовой бронзы. С трёх сторон оправу охватывали тонкие фигурные выступы крепления, а снизу выступало массивное основание, входившее в выемку подставки.

Призма не искрила, не извергала лучей, но внутри кристалла, словно застывшие молнии, слабо пульсировали тончайшие золотые нити древней магии. Это был подлинный узел согласования первой государственной защиты Вальборга, созданный столетия назад лучшими мастерами Золотого дома. Современный дворец давно защищался иными, куда более сложными системами, но Призма оставалась живым, магически активным сердцем древнего контура.

— Чудо, правда? — раздался сбоку негромкий, приятный голос.

Лив повернула голову. На подиум поднялся мужчина лет сорока пяти в аккуратном рабочем фартуке из плотной парусины, надетом поверх добротного шерстяного костюма. У него было спокойное, интеллигентное лицо, внимательные серые глаза за круглыми очками в тонкой оправе и удивительно чуткие, ухоженные руки мастера-ремесленника. На поясе у него висели связка специальных калибровочных шупов и латунный футляр.

— Торстен Бауэр, старший реставратор гильдейской артели по контракту дворцового ведомства, — представился он, вежливо склонив голову.

— Лив Викен, личная помощница Его Светлости герцога Стенмарка, — отозвалась Лив. — Герцог на аудиенции у короля, а мне велел осмотреть залы перед открытием выставки.

— Рад знакомству, госпожа Викен. — Бауэр вежливо улыбнулся, но тут же озабоченно покачал головой, бросив взгляд в сторону подножия подиума: — Боюсь только, полюбоваться в тишине сегодня не выйдет. У нас тут с самого утра настоящая буря.

Там, у бокового технического щитка, разворачивался ожесточённый спор.

Рядом с куратором Вальбергом стоял худой, сутулый человек в серой рабочей одежде со связкой чертежей и калибровочным инструментом под мышкой — дворцовый инженер Брандт. Лицо у инженера было осунувшимся, волосы всклокочены, а на виске чернело свежее пятно графитовой смазки.

— Брандт, вы надо мной издеваетесь?! — почти срываясь на фальцет, гремел куратор, тыча пухлым пальцем в хрустальную панель. — Через два часа сюда явятся оценщики казначейства для финального протокола описи! А у меня в центральной витрине температура скачет, как оглашенная! Воздух то раскаляется до тридцати градусов, то стынет до сквозняка! Вы

понимаете, что от такого перепада древняя оправа расширяется и может расколоть кристалл?! Вы главный инженер королевского дворца или мальчишка из ремесленного училища?!

— Господин Вальберг, я повторяю вам в десятый раз! — в бешенстве огрызнулся Брандт, трясая перед носом куратора чертежом. — Я трижды перебрал магистральный приток! Общая вентиляция галереи выдаёт ровно восемнадцать градусов по регламенту! Силовой контур защиты витрины проверен — фон чистый, никаких пробоев и наводок! Все питающие жилы холодные! Я понятия не имею, откуда внутри берётся эта волна жара каждые сорок минут, словно кто-то раскалённый утюг под хрусталь суёт!

Бауэр рядом с Лив сокрушённо вздохнул:

— И так уже четыре часа. Я закончил подгонку войлочного вкладыша, но закрепить его не могу: подиум лихорадит, металл «дышит». Брандт грешит на общую вентиляционную шахту, но вентиляция тут явно ни при чём...

Лив стояла, внимательно слушая ругань инженера и куратора.

Её взгляд упал на массивное основание подиума. Огромная литая плита из темнеющей оружейной бронзы покоилась прямо на плитах серого мрамора. По периметру основания шла узкая щель технологического продуха с мелкой медной решёткой.

Лив подошла ближе. Опустилась на корточки у нижней кромки подиума, прищурилась и осторожно прижала ладонь к медным ячейкам.

От решётки не просто тянуло теплом — металл едва слышно, глухо подрагивал от натужного внутреннего нагрева.

— Прошу прощения, господа, — негромко произнесла Лив.

Мужчины даже не сразу обратили внимание. Вальберг продолжал причитать о казначеях, пока Брандт яростно сворачивал чертёж в трубку.

— Прошу прощения, господин инженер, — повысив голос, повторила Лив.

Брандт наконец осёкся, раздражённо обернулся и уставился на неё:

— Девушка, отойдите от витрины, здесь идут аварийные работы!

— Я хотела спросить: а автономный подогреватель в самом днище подиума вы проверяли?

Инженер на мгновение опешил. Брови его сошлись на переносице:

— Какой ещё подогреватель днища? Подиум подключён к центральному климатическому воздуховоду...

— В подиумах со сплошным литым основанием всегда ставят нижний компенсационный элемент, — спокойно и раздельно заговорила Лив, поднимаясь с корточек и расправляя плечи. Голос прозвучал ровно, твёрдо и без тени заискивания — в голове мгновенно всплыли схемы учебных плит Академии и недавняя возня с приёмной Стенмарка, где они с Нильсом разбирались с точно таким же капризным реле. — Иначе толстая бронзовая плита забирает холод от каменного пола и остужает витрину снизу. Там, в поддоне, стоит плоский нагреватель с терморегулятором. Если при сборке подиума слесари задели корпус и погнули прижимную лапку, чувствительная пластина соскочила с упора. Контур разомкнулся. Реле считает, что металл промёрз, и гонит тепло, пока общая вентиляция пытается его остудить. Вот вам и циклические скачки каждые сорок минут.

В зале повисла странная, гулкая тишина.

Вальберг нервно сглотнул, а Брандт замер с чертёжной трубкой в руке. Раздражение на лице инженера сменилось ошеломлением. Он перевёл взгляд с медной плиты на Лив, и на этот раз смотрел на чёрную широкополую шляпу с латунной пряжкой Академии.

В Альмарке дипломированных ведьм глубоко уважали: пятилетняя выучка в Линдхольме стоила дорого, а квалификационный знак на сукне внушал почтение даже седым чиновникам. Но главное — Лив уверенно объясняла устройство системы, называла нужные зазоры и причины помех. Она говорила как мастер, привыкший проверять свои выводы на практике.

— В днище?.. — глухо выговорил Брандт, и его сухое лицо побледнело. — Проклятье... Они же монтировали подиум ломами и тяжёлыми ключами... Могли сорвать корпус вслепую...

Он прищурился, быстро окинув Лив цепким взглядом:

— Вы... кто такая?

— Лив Викен, прикладная ведьма, — не смутившись под его взглядом, отчеканила она. — Личная помощница Его Светлости герцога Стенмарка. Моя специальность — диагностика тепловых контуров, сопряжение кабелей и закрытые технические системы.

Имя главы Чёрного дома окончательно сняло любые сомнения. Куратор Вальберг вцепился в рукав инженера:

— Брандт! Ради всех богов, проверяйте! Если мы сейчас вызовем старшую придворную ведьму из дворцовой комендатуры, она напишет рапорт о нашей профнепригодности! Это же позор на всю королевскую службу!

— Молчите, Вальберг, сам знаю, — огрызнулся инженер. Мысль о вызове высокомерных придворных чародейек, которые обожали выставлять механическую службу дураками, была для него хуже каторги. Брандт решительно сунул чертежи под мышку и сделал приглашающий жест в сторону боковой галереи:

— Пойдёмте в служебную нишу, госпожа Викен. Поглядим на этот поддон. Если диагноз верен, с меня причитается. Бауэр, ключ!

Служебная ниша располагалась за массивной фальшпанелью в смежном коридоре.

Это было узкое, выложенное серым кирпичом помещение шириной в три шага, прямо напротив задней стенки центральной витрины. Сюда выходили кабели питания и вентиляционные короба. В стене находилась задняя хрустальная панель витрины в металлической раме, запертая техническим замком.

Лив вошла туда вместе с инженером Брандтом и реставратором Бауэром. У входа в нишу встал рослый гвардеец с опечатанным журналом допусков.

— Внимание, господа, — строго произнёс Брандт, предъявляя гвардейцу служебное удостоверение главного инженера и разовый бланк с синей печатью комендатуры. — Оформляем разовый сервисный допуск номер восемнадцать. Время вскрытия — одиннадцать сорок. Цель — аварийное устранение неисправности локального термостата.

Гвардеец сверил подпись куратора, расписался в журнале и отомкнул тяжёлый навесной замок на защитной решётке:

— Допуск открыт. На работу — сорок минут.

Брандт перевёл опору Призмы в безопасный режим и дождался подтверждающего сигнала.

— Теперь можно открывать, — сказал он Бауэру, затем пояснил Лив: — Охрана получила уведомление об обслуживании. Пока действует допуск, заднюю панель разрешено открыть и при необходимости снять экспонат с опоры. Когда вернём обычный режим, витрина снова проверит, на месте ли Призма. Если её не окажется, сработает тревога.

Реставратор Бауэр достал из латунного футляра длинный ступенчатый ключ сложной формы — технический ключ подрядчика с индивидуальным номером. Вставил его в нижнюю скважину задней панели витрины, плавно повернул на два оборота. Внутри короба что-то мягко щёлкнуло, раздался протяжный звон снятого напряжения, и задняя хрустальная панель бесшумно сдвинулась по направляющим вбок, открывая доступ внутрь витрины.

Лив внимательно наблюдала за процессом, фиксируя каждую деталь в памяти.

Передняя часть витрины оставалась абсолютно монолитной: силовой щит со стороны зала продолжал гудеть ровным золотистым светом, защищая экспонат от любых посягательств публики. Но сзади, со стороны ниши, витрина просматривалась насквозь.

Призма лежала прямо перед ними, на расстоянии вытянутой руки.

Она покоилась в специальном нейтральном вкладыше из толстого белого войлока, пропитанного изолирующим алхимическим составом. Войлок повторял форму предмета с безукоризненной точностью: три фигурные опоры под бронзовые выступы оправы и глубокая круглая выемка в центре под выступающее основание кристалла. Вкладыш предохранял древний артефакт от сотрясений и не давал его магии соприкасаться с металлическим подиумом.

Лив быстро достала блокнот и за пару минут набросала схему: расположение замка, форму ключа, нишу и характерный контур войлочного вкладыша с тремя упорами. Привычка всё зарисовывать и записывать сработала безотказно.

— Призму руками не трогаем, — негромко напомнил Бауэр, бережно прикрывая кристалл мягким бархатным чехлом. — Нам нужен нижний подогреватель. Он под днищем подиума.

Лив опустила на колени и заглянула под медную плиту основания.

Там, в узком металлическом кармане, располагался плоский автономный нагреватель. Медные трубки подводили тепло от накопителя, а регулировал подачу маленький биметаллический язычок — чувствительная пластина термостата.

— Нашла, — облегчённо выдохнула Лив. — Смотрите, господин Брандт. Чувствительная пластина выскочила из направляющего паз. Видимо, когда монтировали подиум, задели отвёрткой корпус и погнули прижимную лапку. Пластина перекосилась, контакт разомкнулся, и реле решило, что температура упала до нуля. Вот подогрев и жарит без остановки.

— Вот растяпы! — выругался инженер, качая головой. — Мастера из гильдии монтировали, руки бы им поотрывать. Сможете исправить, госпожа Викен?

— Смогу. — Лив достала свой тонкий шуп и плоские щипцы. — Но нужен короткий рычаг, чтобы поджать лапку снизу. Моя отвёртка слишком длинная, в паз не влезает.

— Возьмите мою. — Бауэр охотно протянул ей короткую стальную отвёртку с костяной рукоятью из своего набора. — Специально для точной механики держу.

Лив приняла инструмент. Отвёртка легла в ладонь удобно, как влитая.

Она аккуратно завела кончик инструмента под медную лапку, чуть нажала, возвращая металлу правильный изгиб, и щипцами осторожно вправила чувствительную пластину обратно в направляющий паз. Металл тихо щёлкнул, вставая на место с идеальным технологическим зазором в долю дюйма.

— Господин Брандт, провод тоже нужно убрать, — сказала Лив. — Он натянут над креплением. Если снова придётся снимать пластину, его заденут инструментом.

Инженер наклонился, проверил, куда уходит провод, и достал щипцы.

— Запаса хватит. Уложу в нижний паз.

Лив придержала провод шупом, пока Брандт отвёл его от крепления и уложил свободный конец двойной петлёй. На сгибе осталась маленькая зарубка от щипцов. Лив покрыла повреждённое место изолирующей мастикой и дождалась, пока та схватится.

— В журнал внесу вместе с ремонтом пластины, — сказал инженер, убирая инструмент.

Лив прижала шуп к клемме:

— Нить и мера.

Диагностическая нить прошла по восстановленной цепи ровно, без провалов. Лив проверила отклик термостата: возвращённая на место пластина уже реагировала на комнатную температуру. Реле разомкнуло цепь форсированного нагрева, гудение медных трубок стихло. Излишки тепла уходили через нижний радиатор в пол.

— Всё в порядке. — Лив поднялась, отирая лоб рукавом, и вернула короткую отвёртку Бауэру. — Пластина на месте, зазор выставлен. Теперь термостат будет держать ровно двадцать один градус.

Инженер Брандт облегчённо утёр взмокший лоб рукавом:

— Превосходно, госпожа Викен! Буквально спасли нас от королевского разноса. Хорошо, что не пришлось звать придворных ведьм из комендатуры. Они бы сразу зафиксировали собой и раздули скандал на весь двор. Бауэр, закрывайте витрину.

Реставратор аккуратно снял защитный бархатный чехол с Призмы, ещё раз проверил, ровно ли лежат три фигурные лапы оправы в войлочных гнёздах вкладыша, и плавно потянул хрустальную панель на себя. Задняя стенка встала на место с глухим щелчком. Бауэр повернул ключ, запер замок и убрал инструмент в латунный футляр на поясе.

Брандт восстановил обычный режим и проверил защиту. Витрина подтвердила, что задняя панель заперта, а Призма находится на своей опоре.

— Всё в порядке, обслуживание завершено, — сообщил он гвардейцу.

Гвардеец у входа в нишу поставил в журнале отметку о закрытии:

— Время фиксации — двенадцать пятнадцать. Допуск закрыт.

Они вернулись в главный выставочный зал.

Воздух возле центрального подиума быстро остывал, становясь свежим и чистым. Настенный магический индикатор температуры показывал стабильную температуру в двадцать один с половиной градус — идеальные условия для сохранности старинных кристаллов.

Куратор Вальберг чуть не плакал от радости. Он лично внёс благодарственную запись в рабочий журнал дворцовой службы и даже попытался сунуть Лив золотую монету «на шпильки», но Лив посмотрела на него так холодно, по-стенмарковски, что он смущённо спрятав кошелек обратно в карман.

— Я рекомендую провести повторный контрольный осмотр крепления пластины за день до официального открытия выставки, — сухо сказала Лив, закрывая свой блокнот. — После того как завершат монтаж всех соседних экспозиций. От вибрации пола крепление может снова дать люфт¹⁵.

— Обязательно, госпожа Викен! Непременно запишу в регламент! — закивал куратор.

Брандт сдержал слово: снял суконный рабочий берет и с искренним уважением поклонился Лив:

— Моё почтение прикладной магии, госпожа Викен. Без вас мы бы до вечера ломали вентиляцию.

Бауэр подошёл к ней следом, на ходу вытирая пальцы чистой салфеткой:

— Вы прекрасный специалист, госпожа Викен. Редко встретишь ведьму, так хорошо разбирающуюся в точной механике. С вами приятно иметь дело.

— Спасибо, господин Бауэр. — Лив улыбнулась. Реставратор производил впечатление исключительно честного, преданного своему ремеслу труженика, и работать с ним было легко и спокойно.

Она отошла к боковой галерее зала, аккуратно поставила парусиновый чехол на полированный мраморный подоконник и прислонилась плечом к прохладной колонне.

Внутри, под ложечкой, разливалось тихое, сладкое чувство гордости. Лив всегда знала, что в королевстве к ведьмам относятся с уважением — серебряный знак на суконной шляпе не давался даром, — но одно дело слышать об этом на лекциях, и совсем другое — видеть, как главный инженер королевского дворца отступает в сторону и признаёт твою правоту. Она мысленно похвалила себя за то, как въедливо разбиралась с капризным обогревателем в резиденции герцога Стенмарка и не отмахнулась от советов мастера Нильса. Чужой опыт и собственное упрямство сошлись в этой зале в идеальный узел.

Она всего лишь пришла осмотреть переходы перед официальным приёмом, а в итоге спасла историческую реликвию от перегрева, избавила дворцовую службу от позорного скандала и сохранила в блокноте подробный чертёж системы доступа и вкладыша.

¹⁵ Нежелательный свободный ход между соединёнными деталями.

Оставалось только дожидаться, пока герцог Стенмарк закончит государственные дела с королём Густавом, и доложить о том, как прошёл визит.

Глава 6.

К вечеру шестого дня в парадных коридорах Золотого дворца зажгли верхний свет, и каменные анфилады наполнились мягким золотистым сиянием. Лив сидела на дубовой банкетке в боковой галерее у высоких резных дверей малых аудиенц-залов, аккуратно прижимая локтями к бокам парусиновый чехол с инструментами.

Двери наконец распахнулись. Из приёмных покоев вышел Людвиг Стенмарк — всё такой же подтянутый, в застёгнутом на все пуговицы пальто, с непроницаемым лицом человека, который провёл остаток дня на совещаниях о государственных пошлинах и доменных квотах. Следом за ним в проёме на миг показался король Густав: монарх весело махнул рукой на прощание, что-то негромко сказал жене и скрылся в глубине залы.

Людвиг подошёл к Лив, скользнул взглядом по её собранной фигуре и едва заметно кивнул:

— Идёмте, госпожа Викен. Экипаж ожидает у Северных ворот.

Обратная дорога сквозь сгущающиеся сумерки Вальборга казалась Лив бесконечной. За окнами кареты зажигались уличные газовые фонари, над набережной проносились запоздалые силуэты ведьм на мётлах, а в салоне стояла всё та же плотная, гулкая тишина. Лив сидела на краешке сиденья, глядя на свои начищенные башмаки, и чувствовала, как внутри тугой пружиной сжимается застарелое беспокойство.

Её оговорка перед монархом всё ещё жгла память калёным железом. «Ваша Светлость». Она назвала короля титулом герцога. Королева Астрид улыбнулась, Густав рассмеялся, но правила придворного этикета, которые вдалбливали в Академии, Лив помнила отлично: подобную оплошность помощника нанимателю могли припоминать в светских салонах ещё полгода.

Они въехали во двор резиденции, когда над городом окончательно стемнело. Дворцовый шум остался позади; гранитные стены особняка встретили их привычной тишиной и сухим теплом.

В кабинете Людвиг снял пальто, повесил его на стойку и прошёл к своему столу.

— Докладывайте, госпожа Викен, — произнёс он, зажигая лампу. — Что там случилось с витриной?

Лив торопливо вытащила из кармана блокнот, раскрыла его на странице с закладкой и выпрямилась:

— Бытовой подогрев днища подиума восстановлен, Ваша Светлость. Чувствительная биметаллическая пластина термостата соскочила с направляющей лапки из-за механического перекоса при монтаже витрины. Мы с инженером Брандтом вправили её на место и выставили рабочий зазор. Температура стабилизировалась на двадцати одном с половиной градусе. Я оставила предписание провести повторный осмотр за день до открытия, когда закончат расстановку соседних экспонатов.

Людвиг опустил в кресло, слушая её ровный, отчеканенный доклад. Взгляд его графитовых глаз скользнул по исписанным карандашом страницам блокнота.

— Вы зарисовали узел?

— Да, Ваша Светлость. Схему ниши, замок и войлочный вкладыш под кристалл. — Лив заколебалась, переступила с ноги на ногу, чувствуя, как предательский румянец снова ползёт к ушам, и негромко добавила: — И... Ваша Светлость. Я хотела принести извинения.

Людвиг поднял на неё глаза. Тёмные брови чуть дрогнули:

— За что именно? Работа выполнена чисто.

— За аудиенцию. Утром. — Лив набрала в грудь воздуха, словно собиралась прыгнуть в ледяную реку с обрыва. — Я обратилась к Его Величеству словами «Ваша Светлость». Это непростительная оплошность для помощницы, представляющей канцелярию Чёрного дома.

Королева проявила необычайное великодушие, но протокол был грубо нарушен по моей вине. Если требуется, я могу сегодня же составить официальное письменное прошение о прощении на имя канцлера двора...

Она замолчала, ожидая сухого выговора или хотя бы строгого напоминания о том, что помощница герцога обязана контролировать собственный язык.

Людвиг смотрел на неё очень внимательно. Ни один мускул на его каменном лице не дрогнул, но в глубине серых глаз блеснула сухая, едва заметная искра.

— Король, госпожа Викен, обладает исключительным здоровьем и крепким сердцем, — ровным, бесстрастным голосом произнёс герцог. — Полагаю, он сумеет оправиться от этого потрясения без вмешательства королевских врачей.

Лив застыла. В голове мгновенно закрутились шестерёнки: «Крепкое сердце? Потрясение? Значит, государь всё-таки счёл это оскорблением, но скрыл за улыбкой? А врачи тут при чём? Неужели придворные пересуды уже дошли до канцелярии юстиции?..»

— Простите, Ваша Светлость... — растерянно начала она, наморщив лоб и судорожно вспоминая формуляр извинительных писем. — Вы предполагаете, что мне всё же следует адресовать письмо не канцлеру, а лично камергеру¹⁶ двора? Чтобы не создавать прецедента в дипломатической переписке?

Стенмарк медленно откинулся на спинку кресла. Несколько бесконечно долгих секунд он просто смотрел на её совершенно серьёзное, испуганное лицо, а затем в тишине кабинета раздался тихий, короткий звук.

Герцог усмехнулся.

Это не было громким смехом — всего лишь сдержанное, скупое движение губ и глубокий выдох, но лицо Людвига в этот миг неуловимо изменилось, сбросив привычную маску сурового судьи.

— Госпожа Викен, — сказал он, и в его низком голосе прозвучало редкое, почти тёплое терпение. — Это была шутка.

Лив моргнула раз, другой. Смысл сказанного доходил до неё медленно, словно сквозь слой густого сиропа.

— Шутка?

— Именно. Густав знает меня с четырнадцати лет, а королева Астрид прекрасно понимает разницу между придворной дерзостью и естественным смущением выпускницы Академии. Никаких писем писать не нужно. Ни канцлеру, ни камергеру, ни тем более королю. Оставьте дворцовую канцелярию в покое, у них и без ваших извинений хватает пустых бумаг.

Щёки Лив запылали так, что стало жарко ушам, но в груди вместо стыда затеплилось тихое облегчение.

— Я... поняла, Ваша Светлость, — выговорила она, пряча блокнот в карман и изо всех сил стараясь не улыбнуться в ответ. — Больше никаких писем.

— Вот и отлично. — Людвиг пододвинул к себе стопку вечерней почты и взял перо. — Ступайте ужинать, госпожа Викен. Завтра вернёмся к обычным делам.

Следующая неделя прошла ровно и размеренно.

Рабочие дни напоминали Лив слаженный часовой механизм. Она спускалась в кабинет без четверти восемь, принимала у городского курьера почту, уверенно раскладывала её по трём лоткам и уже без подсказок Арне Даля выделяла серые бланки судебных органов с предельными сроками исполнения.

Резиденция постепенно раскрывала перед ней свои маленькие бытовые тайны. Лив выучила скрипучие половицы на втором этаже, узнала, что яркость настенных светильников в

¹⁶ Придворный чин.

западном крыле лучше выставлять на треть ниже номинальной, чтобы отполированный паркет не давал слепящих бликов. А из окна своей мансарды на рассвете не раз видела, как в утреннем тумане Людвиг выходил на песчаный плац со стальным полуторным мечом. Век клинков давно прошёл, но для высшей знати фехтование оставалось обязательной суровой закалкой — и Лив невольно засматривалась на то, с какой экономной, пугающей мощью и точностью он раз за разом оттачивал удары.

В воскресенье, на седьмой день службы, у Лив был первый законный выходной. Однако погода с утра не задалась: над Вальборгом сгустился такой плотный, серый туман с секущей моросью, что подняться на метле в небо значило промочить платье до нитки за первые пять минут. Лив осталась в своей мансарде, с удовольствием отоспалась до девяти часов, долго пила горячий травяной чай у Кнуда на кухне, а после полудня перебрала и заново смазала минеральным маслом все свои медные шупы и ключи, чувствуя себя странно отдохнувшей и спокойной. Родителям она передала с городской почтой короткую записку: из-за непогоды сегодня не приедет, но в следующее воскресенье обязательно выберется домой.

В четверг, на одиннадцатый день службы, дневным курьером пришло официальное письмо от Эмиля Стенмарка из Стенвика. Кузен сообщал, что осмотрел мельничный мост лично: нижние венцы очистили от речного ила, артель плотников приступила к тёске лиственницы, а крестьяне южных выгонов подписали исправленный график платежей. Лив аккуратно подшила расчёты в семейную папку и положила Людвигу на подпись точно в назначенный час, за что удостоилась скупого, но веского кивка герцога.

На двенадцатый день службы Лив заканчивала сверку хозяйственных счетов за отопление, когда за её спиной раздался шелест сводного плана обходов.

— Госпожа Викен, — произнёс Людвиг, просматривая записи Даля. — Вы внесли в график на сегодня осмотр верхней хозяйственной галереи над восточным ризалитом?

— Да, Ваша Светлость, — отозвалась Лив, оборачиваясь. — Плановый контроль. По журналу там три месяца не проверяли распределительную коробку дежурного освещения. Я планировала подняться туда сразу после полудня, до прибытия курьера из суда.

Людвиг опустил лист и посмотрел на неё с тем особенным выражением лица, которое Лив уже научилась распознавать: смесь глубокой озабоченности и неодолимого стремления держать под контролем каждый квадратный фут своего пространства.

— Отложите осмотр.

Лив удивлённо моргнула:

— Почему? Там работы на двадцать минут.

— Галерея расположена под самой кровлей, — ровным, непререкаемым тоном пояснил герцог. — Проход узкий, балки перекрытий старые, а внешний защитный контур дома проходит в непосредственной близости от стропил. Вы работаете у меня меньше двух недель. Я не намерен отправлять неопытного сотрудника на технический ярус в одиночку. Дождитесь следующей недели, когда освободится мастер Нильс, и поднимитесь вместе с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.